

Разбуженные боги

Автор:

Александр Логачев

Разбуженные боги

Александр Логачев

Наш соотечественник, бывший воздушный гимнаст, умом и мечом завоевал себе высокое положение в древней Японии. Но, как когда-то Икар, он взлетел слишком высоко, и нашлись люди, которые пожелали укоротить ему крылья. Артем проиграл главную схватку. Спасая себя и верных ему людей, он согласился на почетную ссылку. Ему пришлось отправиться в русские земли во главе императорского посольства. Путь далек, он лежит через многие страны, через тысячи километров воды и суши. Артем не знает, что ждет его на этом пути, но легкой прогулки не предвидится. К тому же враги, оставшиеся в Ямато, готовы сделать все, чтобы посольство сгнуло где-нибудь по дороге. Словом, шансов выжить немного. Но с ними самурайские мечи, знания, находчивость и храбрость. Можно попробовать прорваться.

Александр Логачев

Разбуженные боги

Часть первая

Бешеные морские псы

Глава первая

Паруса над водой

Артему исключительно приятно было просто стоять на палубе, пахнувшей струганой древесиной, солеными брызгами и мерно покачивающейся под ногами, глядеть на волны, перекатывающиеся в лунном свете, слушать, как над головой шуршат под ветром тростниковые паруса, поскрипывают реи, плещут о борт волны, а с кормы доносится заунывная песня матроса, стоящего за румпелем.

Для разнообразия он мог даже прислушаться к тому, что рассказывал рулевой, только что сменившийся с вахты:

– Мой отец видел не только Черные Столбы, господин посол. Он видел в море ледяные острова, на которых стояли города, сделанные из льда. Всё было из льда, господин посол, всё – дома, скамьи, лестницы. В ледяном городе жили люди очень-очень маленького роста, чуть больше зеленой обезьяны, господин посол. У них были совсем короткие ноги, но от этого они не страдали. Чего страдать, когда ходить некуда! Зато плавали они как рыбы и ели рыбу, одну только рыбу, господин посол. Эти люди ловили ее голыми руками. Господин посол может не верить мне, но они ныряли в воду прямо с берега ледяного острова и выныривали уже с рыбой, вот так. Они могли долго, очень долго находиться под водой, прямо как выдры, господин посол.

Матрос-китаец работал не только ртом, но и палочками для еды, поглощая ужин, оставленный ему. Над палубой плавал щекочущий ноздри аромат специй, которыми была щедро приправлена лапша. – А прапрадед мой плавал вместе с самим великим Сынь Чуанем в страну Фузан. Об этом мне рассказывал дед, слышавший это от своего деда. Он говорил, что в стране Фузан растет золотой виноград, а на огромных полях пасутся стада небесных коней. Тех коней кормят травой му-су, отчего у них вырастают крылья. А еще в стране Фузан кругом, куда ни глянь, столько золота, что можно ослепнуть, если не щуриться и не прикрывать глаза ладонью.

Матрос-китаец чесал по-японски довольно бойко, разве что с небольшим акцентом. Да все остальные члены экипажа, целиком состоявшего из китайцев, кто хуже, кто лучше, но говорили по-японски. Удивляться тут было нечему. Все

они не один год ходили в страну Ямато, подолгу торчали в японских портах, проводили в Японии времени никак не меньше, чем в Китае. Как тут не обучишься языку?

– У людей из страны Фузан красная кожа, господин посол, одежду они делают из птичьих перьев, а головы прикрывают высокими шапками из глины, – продолжал вещать матрос-китаец.

Есть он закончил, опустевшую деревянную плошку поставил рядом с собой на палубу, губы утер ладонью, но вот закончить с байками никак не мог. Моряки во все времена одинаковы, и если уж их завести, если уж они начнут травить байки, то потом фиг эту братву остановишь, как того батареечного зайца с барабаном.

Все началось с того, что Артем от скуки и от переизбытка хорошего настроения поинтересовался у сменившегося рулевого, не видел ли тот в пучинах Морского Змея или кого-то на него похожего. Матрос поправил татуированной рукой налобную повязку и ответил господину послу, что да, видел, конечно, и не раз, и не только Змея Морей, но и много чего еще другого. Ну и понеслось...

Болтовня китайского матроса ничуть не раздражала Артема и не отвлекала от великих дум. Во-первых, его голова не была занята никакими великими думами, а во-вторых, как уже было сказано, бывший цирковой акробат пребывал нынче в превосходном расположении духа и был по-доброму настроен ко всему окружающему. Да, Артем чувствовал себя почти счастливым... как это ни странно.

Казалось бы, какое может быть счастье, когда он лишился всего того, что с великими трудами завоевывал и создавал последние полгода! Лишился власти, и не такой уж маленькой, лишился положения, которое он, в глазах японцев – чужак и варвар, зубами выгрызал, ставя на кон свою жизнь. Лишился замка, источников дохода.

Город Ицудо, который его стараниями с успехом превращался в эдакий древнеяпонский Лас-Вегас, богател и процветал, теперь наверняка опять вернется в свое былое полусонное прозябание. Ярмарка Торикихидзе, может быть, какое-то время еще просуществует, но будет мельчать и хиреть, пока не захиреет окончательно. Ямомото-рю, школа, на которую он возлагал столько

надежд, без его денег и без его энтузиазма наверняка закроется, да и прочие его новшества и начинания, включая улучшение дорог по всей провинции, вряд ли кто станет продолжать.

Погибли многие из тех людей, с кем он начинал свою недолгую японскую эпопею, те, кто был всецело предан ему. Казалось бы, нет никаких причин, чтобы чувствовать себя счастливым, и тем не менее...

Быть может, дело было в том, что здесь, посреди морских волн, где куда ни глянь – лишь вода и горизонт, он наконец-то почувствовал себя свободным. Свободным от всемогущего сиккэна[1 - Сиккэн – титул фактических правителей-регентов в Японии в период с 1199 по 1333 г, в период Камакура. Слово «сиккэн» означает «держатель власти», или «правитель».], коварного как само коварство, от интриг и заговоров, от переменчивости политической ситуации в Ямато, от настороженного отношения японцев к чужеземцам вообще и тем более к чужеземцам, столь разительно отличающимся от них.

Сейчас все упростилось до невозможности. Перед ним лежала дорога, которую он должен был пройти. Понятное дело, никто не знал, что ждет их на этом пути. Но такая неизвестность казалась Артему гораздо более привлекательной, чем подвешенность прежней жизни. Тогда какой-нибудь средневековый японский олигарх в любой момент мог надумать использовать Белого Дракона для победы над своими политическими противниками, выжать его досуха, а потом устранить как угрозу своей абсолютной власти. Другой не менее влиятельный в Ямато человек мог вдруг прийти к выводу, что Белый Дракон самим своим существованием мешает осуществлению его целей. Одному Будде тогда было ведомо, с какой стороны и когда Артем мог получить удар, кто его нанесет и как уберечь при этом своих близких.

Весь этот немалый груз свалился с плеч Артема. Когда груз сваливается с плеч, мы всегда поначалу ощущаем небывалую легкость во всем теле... или на душе, ежели тот груз на душе и лежал.

Тем более он сейчас не один... Был бы один, вот тогда вряд ли испытывал бы хоть какую-то радость. А так с ним вместе готовы пройти весь путь до конца преданные и близкие люди. С ним обе его женщины, каждая из которых для него по-своему незаменима и дорога. С ним вместе его верные и проверенные товарищи. Пусть их всего горстка, зато на них можно всецело положиться. Они не воткнут в спину предательский кинжал и не продадутся тому, кто посулит им

гору денег, китайских, японских или иной чеканки. Если им всем суждено умереть, то они именно все и умрут, сражаясь плечом к плечу и меч к мечу, а это, знаете ли, гораздо более привлекательная смерть, чем от яда, поднесенного людьми сиккэна, или казни через отрубание головы. В конце концов, кто сказал, что счастье – это прежде всего возлежание с сытым брюхом возле фонтана в окружении гурий и прочих гейш? Счастьем может быть и дорога в неизвестность, особенно вместе с людьми, с которыми тебе по ней приятно идти.

Кстати, о сытом брюхе. Очень долгое время за брюхо нечего беспокоиться. Уж чего-чего, а денег у них с собой хватает. Есть и собственные сбережения, весьма немалые, кстати, – а чего им быть малыми, когда игорное дело в Ицудо процветало! – и средства, выданные посольству из императорской казны. Даже если они станут останавливаться на самых дорогих постоянных дворах, заказывать там самые изысканные деликатесы и требовать, чтоб их подавали непременно на золотой посуде, то все равно сведут концы с концами. Хотя Артем вовсе и не собирался гусарствовать подобным образом. Да и самураи, воспитанные в духе сурового аскетизма, подобный шик не одобряют, тут и к японской бабке не ходи. Может быть, это морской ветер так пьянил сейчас бывшего циркача, как пьянил он личностей мужеского полу во все времена, что-то там обещаая и нашептывая о дальних странах, о новых встречах, о невиданных чудесах, о всяческих тайнах и загадках.

– А еще, господин посол, в стране Фузан есть дома из камня, чья высота, да простит меня господин посол, не уступает горе Фудзи, да и видом те дома похожи на гору. Они широкие у подножья и совсем узкие вверху, – снова вклинился в раздумья Артема бубнеж китайского моряка. – Но не все хорошо в той стране Фузан. За золото, крылатых коней и траву му-су их боги требуют кровавых жертв. А боги у них ненасытные, господин посол, совсем ненасытные. Поэтому великому Сынь Чуаню и моему прапрадеду пришлось бежать из страны Фузан, когда в их сторону стали нехорошо поглядывать жрецы тех кровавых богов.

«Уж не об Америке ли вещает этот парень? – вяло подумал Артем. – Не про ацтеков ли речь ведет? Красная кожа, перья, кровожадные боги. А что, такое вполне вероятно. Если викинги добирались до американского континента на своих драккарах, или как там их корыта звались, то китайские суда, крупные джонки, превосходящие их по мореходным качествам, и подавно могли это сделать».

Артем знал, что по морям плавали джонки, отличающиеся друг от друга лишь размерами, назначением и количеством тростниковых парусов. Их могло быть от одного до трех. Скажем, на их довольно крупном торговом корабле имелись все три паруса – носовой, кормовой и на грот-мачте. Артем вдруг обратил внимание на то, что китайский морячок как-то уж больно неожиданно замолчал, словно ему рот заткнули. Акробат оглянулся. Морячка на прежнем месте он не увидел, зато увидел Такамори.

– Господину Ямомото не спится? – вкрадчиво поинтересовался старый яма-буси[2 – Яма-буси – «спящие в горах», или, в другом значении этих иероглифов, «горные воины». Они защищали крестьянские общины от отрядов самураев, но служили и наемниками. Система их боевой подготовки быстро совершенствовалась, кланы яма-буси превратились в школы ниндзюцу.] у Артема за мгновение до того, как тот сам хотел сказать: «Что, не спится, Такамори?»

– Так ты тоже захотел подышать ночным морским воздухом, Такамори-сан? – ответил вопросом на вопрос Артем.

– Чего им дышать? Разве он чем-то лучше воздуха в горах? – сварливо пробурчал Такамори и заговорщицки огляделся. – Я хочу поговорить с тобой, господин Ямомото.

– Да? Вроде уж говорили...

– Мы не успели переговорить о главном.

– Хм, вот как!

Артема это несколько удивило. Вроде бы как раз о главном они и говорили в прошлый раз, а именно о том, откуда на корабле эдаким чертом из табакерки появился старый яма-буси.

История Такамори оказалось донельзя простой. Итак, они расстались, когда Артем со своим малочисленным отрядом отправился на битву в ущелье Бомо, а Такамори с двумя женщинами был оставлен в горах. В случае чего он должен был о них позаботиться. Такамори решил, что в столь грозный час негоже оставаться в стороне от битвы, что женщины и сами смогут о себе позаботиться, а он может и должен задержать отряд самураев сиккэна под

предводительством Мацумото, идущий по следам его друзей. И главное – Такамори знал, как можно задержать тех самураев.

Старый яма-буси покинул женщин и направился к тому месту, где проход в горах был особенно узким. Полазав по склонам, а с этим делом бывалый горный отшельник был на «ты», Такамори расшатал и обрушил несколько увесистых валунов, вызвав камнепад и устроив на тропе нешуточный завал. Самураи Мацумото уперлись в этот завал, провозились с его разбором и не успели вовремя к мосту. А успеют ли они тогда, так сейчас Артем если бы куда и плыл, то разве что по подземным рекам к острову мертвых.

Сделав столь нужное дело, Такамори вернулся к женщинам и, разумеется, ни одной из них на месте не обнаружил, поскольку обе ослушались приказа и со своими луками поспешили на помощь сражающимся. Такамори по их следам направился в сторону ущелья Бомо. Он добрался туда одновременно с самураями Мацумото, то есть когда там уже не было никого и ничего, кроме трупов. Ему пришлось отсиживаться в горных расщелинах, издали наблюдая, как воины Мацумото восстанавливают мост и переправляются через него.

Только после этого Такамори смог перебраться на ту сторону ущелья. Но и там ему вновь пришлось прятаться на горных склонах в зарослях орешника, на сей раз дожидаясь, пока мимо него не проследует целая армия сиккэна Ходзё Ясутоки. Наконец из окрестностей ущелья Бомо убрались все беспокойные элементы. Оставшись в совершеннейшем одиночестве посреди гор, Такамори приступил к изучению следов и, надо сказать, довольно быстро и точно восстановил картину произошедшего. Когда ему стало ясно, в какую сторону ускакал господин Ямомото и все те, кто остался с ним, Такамори направился за ними.

Взяв след, Такамори не потерял его до самого города Осака. Справедливости ради следует сказать, что на первых порах сбиться с правильного пути было весьма непросто. След тот никто не путал, дорога была всего одна, а дождей не случилось. Потом, правда, начались развилки, зарядили дожди, обычные по осеннему времени. К тому же Такамори здорово отстал от отряда господина Ямомото, поскольку, как ни поспедай, как мало ни отдыхай, пеший все равно верховому не ровня. Тогда яма-буси приходилось расспрашивать окрестных жителей, – благо пошли населенные места – не проезжали ли случайно через их деревню всадники весьма запоминающейся наружности. Впрочем, вскоре Такамори прекратил все расспросы, поскольку уже не сомневался в том, куда

держит путь господин Ямомото. Его беспокоило лишь то, что он может не успеть.

В пути у Такамори было достаточно времени поразмышлять о том о сем. Размышляя, он все время приходил к одному и тому же выводу – господин идет в Осаку лишь для того, чтобы там сесть на корабль и куда-то уплыть. Тогда его уже точно нельзя будет догнать.

Оказавшись в Осаке, он потолкался в порту, на рынке, около храмов, заводя знакомства с разными людьми невеликого звания – слугами, мелкими торговцами, подметальщиками улиц, с водовозами – словом, с теми, на кого самураи обычно не обращают внимания и в расчет не принимают. А зря, между прочим. Некоторые из этих людей весьма наблюдательны и сообразительны.

Как и предполагал Такамори, проезд по городу человека, очень похожего на легендарного Белого Дракона, не остался незамеченным. Ему довольно легко удалось выяснить, в какой именно двор въехала та процессия. Пару раз пройдясь мимо этого дома, Яма-буси сразу понял, что Белый Дракон все еще там. Уж больно серьезно охранялся дом.

Такамори не стал и пытаться проникнуть в дом или как-то связаться с господином. Зачем? Проку от этого выйдет мало, а вот попасться можно запросто. Яма-буси направился в порт, чтобы присматривать там за кораблями, готовящимися к отплытию.

Очень скоро в порту появились самураи весьма грозного вида, которые долго что-то втолковывали сперва капитану одного из торговых кораблей, затем купцу, хозяину груза, показывали им какую-то бумагу. Такамори понял, что это то самое и есть.

Ему оставалось только договориться с капитаном судна и попасть на борт. Даже в древней Японии не существовало лучшего способа с кем-то о чем-то договориться, чем звонкая монета из драгоценного металла. Лишь бы сойтись в цене. Яма-буси с капитаном сошелся. Артем не допытывался, откуда Такамори достал деньги, подозревая, что вряд ли тот заработал их безукоризненно честным способом...

Ну вот, собственно, и вся история походов старого яма-буси. Теперь они плывут по одному морю и под одними парусами.

- Ты все еще должен бояться сиккэна, - сказал Такамори.

- Кого?! - Артем подумал, что ослышался.

- Тише. - Яма-буси покрутил головой и продолжал, еще больше понизив голос: - Сиккэна Ходзё Ясутоки.

- Ты бредишь, старик! - Артем простер руку в сторону кормы. - Сиккэн остался там, в сотнях ри[3 - Ри - японская мера длины, 3,9 м.] позади. Он сейчас даже не в Осаке, а в Хэйан или в Камакуре. Или ты думаешь, что он догонит нас по воздуху, оседлав небесного демона?

- Ты шутишь и веселишься, - неодобрительно покачал головой Такамори. - А все оттого, что ты плохо знаешь сиккэна, господин.

- А ты-то когда с ним познакомился? - рассмеялся Артем. - Ты ни разу с ним не говорил и считаешь, что знаешь сиккэна лучше меня!

- Я его видел, мне известны его деяния, я слышал, что говорят о нем люди. Поверь мне, такой человек, как сиккэн, не мог просто взять и отпустить тебя. Он не мог просто так отпустить семью Кумазава и остальных. Пока ты и Кумазава живы, сиккэн будет чувствовать угрозу. Зачем ему это?

- Если бы он хотел убить нас, то убил бы там, - Артем еще раз махнул рукой в сторону кормы.

Такамори покачал головой:

- Его имя могли связать с убийством. Это плохо, особенно в тот момент, когда он по всей стране умиряет мятежников. Пусть они разбиты и разрознены, но кто ведает, вдруг весть о том, что сиккэн убил Белого Дракона, победителя монголов, всколыхнула бы мятежников, подняла бы на борьбу тех, кто до этого колебался. Нет, сиккэну гораздо выгоднее, если ты сгинешь где-нибудь вдали, о чем никто в Ямато даже знать не будет.

– Да брось ты, Такамори! Как он нас здесь достанет? – Для пущей убедительности Артем похлопал рукой по мачте. – Все, мы оторвались! Мы предоставлены самим себе!

– А зачем ему самому нас доставать, мой господин? Сиккэн мог заранее принять меры. Например, убийца может прятаться на корабле. Я, разумеется, смотрел в трюме и никого не увидел, но там столько мешков с сырой медью, они так плотно навалены, что за ними или даже в одном из них легко можно спрятаться. А может быть, мой господин, люди сиккэна наняли кого-то из матросов этого корабля, чтобы убить тебя. Например, того, кого я только что отправил с палубы. Я буду всегда рядом с тобой, мой господин. Я предупрежу самураев Кумазава. Но и ты будь начеку.

– Всех демонов мира вам в печенки! Да что ж это такое! – Артем в сердцах плюнул в море.

От прекрасного расположения духа не осталось и следа. Ночь была безнадежно испорчена, но хуже всего было даже не это. Артем вынужден был признать, что в словах подозрительного старика была немалая доля правды. Окончательно успокоиться, наверное, можно будет только на суше. Уж там-то, на китайской земле, никаких убийц, посланных сиккэном, быть не может.

«Ладно, так и быть. Придется во время плавания постоянно озираться и всех подозревать. Ничего, перетерпим».

– Ладно, пошли спать, Такамори, – сказал он, первым направляясь в сторону кормовой надстройки с загнутыми углами крыши, похожей на пагоду. – Помнишь мое любимое изречение, достойное самого Конфуция?

Утро вечера мудренее. Утро, однако, для Артема наступило несколько раньше, чем он планировал. И наступило оно совсем не так, как он того хотел.

Наступило оно с истошным воплем:

– Окинавцы!

Глава вторая

Чужие паруса

Недоспавшие мужчины и женщины, самураи и моряки выскочили на палубу. Артем оказался там одним из первых. Он вскочил на борт и стоял на нем, держась за канат.

Над морем занимался рассвет. Горизонт набухал розовым. Над зеленоватыми рубцами морского простора уже показался край оранжевого диска. Морской ветер неплохо задувал в паруса, джонка шла уверенно и сильно, вышибая из водяных толщ соленые брызги, некоторые из которых долетали до лица Артема. Словом, утро выдалось как по заказу морских романтиков, якорь им в задницу. Все бы хорошо, если б не одна маленькая деталь.

Наперерез их тяжело груженному кораблю шел почти такой же, несколько уступающий в размерах, зато явно превосходящий по скорости. На его парусе был выведен черным огромный иероглиф незнакомых очертаний, скорее всего китайский. Может, это был какой-то девиз, или название корабля, то ли еще чего, например имя какого-нибудь божества. Артем счел несвоевременным выяснять это у знатоков китайского.

На палубе чужой джонки толпились люди в разномастной одежде, а некоторые и вовсе по пояс голые, хотя с утра было прохладно. Лучи просыпающегося светила беззаботно играли на обнаженных клинках удалой команды. Артему пришлось нехотя признать, что вряд ли, едва завидев другой корабль, стали бы обнажать оружие люди добрые, законопослушные и преисполненные самых лучших намерений.

– Нам от них не уйти, – произнес за спиной Артема капитан.

– Вако?[4 - Вако - пираты.] – спросил Артем, не оборачиваясь.

– Это окинавцы. А все окинавцы – вако.

– Нельзя трогать джонку! Тут посол императора! – потрясая руками, истерично прокричал купец, хозяин груза сырой меди. – Посол императора! Посол

императора!

Это была истерика и ничего более. Докричаться до пиратов он все равно не мог, да и что изменилось бы, если бы докричался? Что ж, купца, этого толстого, вечно потеющего человека в желтом халате с серебристыми узорами, можно было понять. Не только ему грозили крупные неприятности.

– Если людей перебить, а корабль потопить, то никто никогда не узнает, что они напали на корабль с послем самого императора, – мрачно проговорил Такамори.

– Вряд ли они посмеют, – без большой уверенности произнес капитан их джонки, наголо бритый китаец с длинными висячими усами. – Кто-то из них проговорится, пойдут слухи, дойдут до вождя другого окинавского племени. Они там, на Окинаве, все друг с другом враждуют. Этот вождь пошлет к императору гонца с письмом, где напишет: «Я знаю, мой император, кто убил твоего посла. Пришли своих воинов, и мы вместе накажем негодяя». Нет, топить они нас не станут, а вот выкуп потребуют, – капитан тяжело вздохнул. – Придется откупаться.

– Откупаться?! – зарычал Кумазава-старший, до того нервно расхаживавший по палубе. – Платить окинавским собакам?! Окинавские вожди поклялись в верности императору Сидзё! Они поклялись не трогать наши корабли!

– Топят редко – это правда, – обнадежил капитан. – Да и подчистую грабят тоже редко. Берут выкуп и плывут к себе на Окинаву.

– Они же видят, что на палубе самураи! – продолжал бушевать Кумазава Садато. – Почему они еще не отвернули!

– Потому что они хотят выкупа, отец. Капитан Гао прав, – сказал Хидейоши.

– Ха, пусть попробуют, черви навозные! – проревел Кумазава-старший. – Здесь все под защитой императора! Пусть попробуют поднять руку на императора!

– Такамори! – Артем спрыгнул с борта на палубу. – Живо к сундуку, доставай императорскую грамоту и неси ее сюда. – Артем хлопнул в ладоши. – Слушайте меня все! С окинавцами буду говорить только я. Никому не встречать без моего

дозволения. Ты, купец, не дрожи! – Артем направил указательный палец на толстого китайца в желтом халате. – Если придется откупаться, то я заплачу пиратам из своих денег. Садато-сан, Хидейоши, мечи без моего приказа не обнажать. Без моего приказа никто ничего не делает и не говорит!

Артем счел не лишним напомнить, кто здесь главный, хотя и знал, что японцы почитают субординацию, как никто и нигде. Они впитывают ее с молоком матери, с генами отцов. Вот и сейчас никто и не подумал спорить с главой посольства. Хидейоши выслушал Артема с невозмутимым лицом, Садато что-то недовольно пробурчал себе под нос, но этим и ограничился.

– Омицу, Ацухимэ, идите в надстройку и не высовывайтесь оттуда!

На этом господин посол закончил инструктаж, а в качестве финального аккорда пробормотал себе под нос на русском языке, никому тут не известном:

– Пираты, мать твою в передрыг! Веселые рожеры, хрен им в глотку по самый румпель! Только этого мне не хватало для полного комплекта!..

Окинавская джонка была уже совсем близко. Уже можно было во всех живописных подробностях рассмотреть обветренные физиономии морских бродяг окинавского разлива. Физиономии азиатские... хотя, кажется, вон мелькнула харя не азиатская, а скорее южноевропейская, если применять мерки и представления его, Артема, времени. Но откуда тут взяться южноевропейцам? Может, индус какой-нибудь? Или бродягу занесло сюда из Океании? Она же вроде совсем недалеко отсюда.

Окинавцы в свою очередь тоже таращились на них, тыкали в их сторону пальцами и хохотали. Отличному настроению этих парней можно было только позавидовать.

Самурайская душа Садато не выдержала столь омерзительного зрелища.

– Обнаглевшие твари! Они забыли Тайра, великих победителей пиратов! С собаками нельзя говорить как с людьми. Вот что из этого получается! После Тайра не нашлось ни одного достойного рода, какой смог бы указать собакам их место!

Артем заметил, что на пиратской джонке не было видно лучников, приготовившихся к стрельбе. Это, пожалуй, говорило в пользу версии капитана – окинавцев интересует лишь выкуп, смертельная битва на водах им совершенно не нужна.

Вот уже окинавская джонка совсем рядом. Над ее бортом показались багры. Крючья со смачным хрустом один за другим впивались в борта купеческого судна. Пираты с криками потянули за древки багров. На их шеях и мышцах рук жилы вздувались от усердия. Прошло несколько секунд, и корабли стукнулись бортами, образовав единое целое.

С отработанной ловкостью с джонки на джонку начали перепрыгивать пираты. Они разбрелись по палубе, расхаживали по ней вполне по-хозяйски, но вели себя не агрессивно, оружием не размахивали. Эти люди были похожи на пограничников со сторожевого катера, которые деловито, без суеты приступают к рутинной проверке груза и документов на подозрительном судне, нисколько не опасаясь серьезного сопротивления. Такое сравнение пришло на ум Артему.

Флибустьеры желтых морей располагали самым разномастным оружием. Катан и китайских мечей у них было где-то поровну. Артем заметил и палицы, и метательные ножи за поясами у некоторых в преизрядном количестве. Почти у всех окинавцев имелись кинжалы, чье разнообразие поражало глаз. У одного из них Артем даже углядел кинжал с волнистым лезвием. Кое у кого имелись топоры, наверное весьма полезная штука в палубных сечах. Зато штук малополезных, скажем, алебард, копий или боевых вееров-оги, у этих ребят совершенно не было. Кое у кого из пиратов имелось оружие и вовсе диковинного вида, чье предназначение Артем с ходу определить не смог. Ну, скажем, металлический двузубец на короткой деревянной палке. Что это, для чего?

– Эй! – Артем вскинул руку, чтобы привлечь к себе внимание. – Я хочу говорить с вашим главным!

– Раз хочешь, говори.

Невысокий, плотно сбитый окинавец, одетый в нечто, напоминавшее Артему фуфайку без рукавов, перехваченную широким поясом, как раз неспешно перебирался с корабля на корабль. Впрочем, он так до конца и не перебрался, остался сидеть на борту, скрестив руки на груди и глядя на Артема весело и

нахально. Окинавец был, наверное, годков на пять помоложе Артема, и уже главарь. Стало быть, он или непобедим в бою, или умен как тысяча чертей, или сынок большого окинавского человека.

Артем приосанился, выпятил грудь, надул щеки для важности, вздернул подбородок, сдвинул брови. При этом он чувствовал себя форменным клоуном, но ничего не поделаешь, таковы тут правила игры. Для пущего эффекта не помешало бы нацепить парадное кимоно, но теперь уж поздно бежать переодеваться.

– Я – Ямомото, – сказал Артем. – Даймё Ямомото. Из Ицудо. В Ямато меня знают как Белого Дракона, победителя монголов. Указом тэнно[5 - Тэнно – официальный титул японских императоров.] Сидзё я поставлен во главе императорского посольства, которое пересекает море на этом корабле и держит курс в Ханчжоу, столицу империи Сун.

Похоже, его титулы и должности не произвели не то что большого, а и вовсе никакого впечатления на главаря пиратов. Он не свалился с борта, ошалев от встречи с этакой важной персоной, даже не соизволил обозначить легкий поклон.

Артем замолчал, потому как не знал, что тут еще можно добавить.

И тогда заговорил главарь:

– Я – Кусанку из рода Сюнтэн, сын Хаси. Мой отец – сын Сюнтэна и Каяны из рода Сё, и внук Минамото Тамэтомо. Эта вода, что ты видишь вокруг вплоть до твердых берегов, это наша вода. Мы – истинные хозяева этой воды, по праву могущества двух великих родов Сюнтэн и Сё. Род Сюнтэн ведет свое начало от бога ветра и воды Сусаноо, а род Сё – от бога Наньдоу[6 - Наньдоу – бог долголетия из китайского пантеона.]. Никто не может сравниться с нашим родом чистотой крови. Мы были здесь всегда, и мы будем здесь всегда.

«Вот сволочь! А ведь он переплюнул меня в этом номере, – пришлось признать Артему. – Его выступление прозвучало покруче. Мне надо бы еще поучиться красноречию. Из этого гада, возможно, получился бы хороший шпрыхсталмейстер».

– Хозяин любого клочка суши имеет право спрашивать, кто и куда идет через его землю. Так и я имею право знать, кто и куда плывет через мое море, – тем временем продолжал распинаться пират по имени Кусанку.

– Теперь ты знаешь, кто я и куда направляюсь. Вот императорский указ, составленный на двух языках, подписанный тэнно Сидзё и сиккэном Ходзё Ясутоки. Прочти его и убедись в правоте моих слов. Такамори!

Артем сделал повелительный жест. Такамори подошел к этому повелителю воды и протянул ему бамбуковый пенал, украшенный императорской печатью.

Кусанку вытряхнул из пенала бумагу, свернутую в трубку, распрямил ее, поглядел, старательно морща лоб, потом перевернул вверх ногами, потом – боком. Он еще какое-то время разглядывал документ, затем свернул его, засунул обратно в пенал и вернул Такамори.

– К твоему несчастью, Ямомото-сан, мы не захватили с собой грамотея. Кто же знал, что нам доведется встретиться с такой важной особой! Умников держит при себе отец и в море не отпускает. Если с ними что-то случится, кто прочтет ему подобные бумаги? Никто из моих воинов не умеет читать. Им это не нужно! Что же до императорской печати, то я вижу ее столь редко, что могу спутать ее с чем угодно. С умелой подделкой, скажем.

Ну врет же! Артем мог поспорить на что угодно, что эта пиратская сволочь врет. То есть, конечно, читать-то он, может, и не умеет, да и никто из его головорезов не умеет, но вот то, что сын окинавского вождя не знает, как выглядит печать императора Ямато, – это уж извините. В это никак нельзя поверить.

– И тебе, Кусанку из рода Сянтэн, не знакомы подписи императора и сиккэна? – спросил Артем.

– Глава рода не я, а мой отец. Он знаком с грамотами императоров. Я – простой моряк, мне это все ни к чему. Мое дело – следить за порядком на водах. Сюда я поставлен отцом. Слушай меня, Ямомото. Я говорю так. Мы идем к нашему берегу. Пусть мой отец решает. Он выяснит, кто ты и твои люди и что с вами делать.

По правилам игры Артем должен был именно сейчас нешуточно разозлиться и произнести фразу, которую, по совести говоря, ему совсем не хотелось произносить, но придется. Потому как иначе и свои не поймут, и чужие уважать не станут.

– Ты не умеешь читать, но умеешь слушать, Кусанку-сан, – сдвинув брови и влив в голос металл, произнес Артем, для пущей грозности выпятив грудь. – Я даю тебе слово самурая, что все обстоит так, как я тебе сказал. Или ты не веришь слову самурая?!

Артему не надо было оглядываться, чтобы убедиться в том, что ноздри Кумазава-старшего сейчас гневно раздуваются, а пальцы с побелевшими костяшками сжимают рукоять катаны, что Хидейоши по-бычьему склонил голову, что означало полную готовность к битве. Такамори как-то совсем незаметно для всех и вроде бы самым естественным образом переместился за спину предводителя пиратов и мог достать его в любой момент. Но в планы самого Артема, посла Ямато, затеять схватку никак не входило. Пираты задавят их числом, даже потеряв главаря. Да и умением тоже перекроют, чего уж там. Среди работников древнеяпонского посольства опытных бойцов всего ничего, никто из них в палубных схватках не искушен, а тут, понятное дело, имеется своя хитрая специфика.

Правда, что делать, если молодой пират начнет откровенно хамить и оскорблять его, а то и вовсе императора? Стерпеть на глазах у всех? Перевести все в шутку? Артем решил реагировать уже по факту. Если бы в планы окинавца входило затеять кровавую стычку, то он бы давно уже ее затеял, не затягивая процесс и не размениваясь на оскорбления и подначки. Кусанку не стал обострять щекотливую тему насчет веры в слово самурая. Надо сказать, что он вполне изящно вышел из пикантной ситуации:

– Я – утинантю[7 - Окинавцы называли свою родину Утина, а себя – утинантю, в отличие от Ямато (остальная Япония) и яматонтю (жители остальной Японии).], я плохо знаю порядки и обычаи яматонтю. К тому же я не самурай, а моряк. Я поверил бы твоему слову, Ямомото-сан, но раньше встречал самураев, которые нарушили свое слово. Как я теперь могу верить?

Если бы Артем имел желание обострить и накалить ситуацию, то он мог бы найти, к чему прицепиться в словах Кусанку. Скажем: «Ты равняешь каких-то там самураев с послом самого императора?! Значит, ты не веришь самому

императору?!» Ну и пошло-поехало. Только господину послу все это было нафиг не нужно. Прошли опасный риф, и ладно. Теперь самое время переходить к главному номеру нашей программы, ради которого, стоит надеяться, все и затеяно. К вопросу выкупа.

– Я многое мог бы тебе сказать, Кусанку-сан, но мы спешим. Скажи, что тебе нужно?

Сын окинавского вождя удивленно поднял бровь:

– Я же сказал. Мне нужно знать, кто ты и твои люди на самом деле. Ты кажешься мне подозрительным. Я не желаю пропускать через свою воду подозрительных людей.

Артем несколько опешил. Он думал, что сын вождя с радостью ухватится за недвусмысленный намек и начнет уже собственно торг. Или же Кусанку просто-напросто набивает цену? Дескать, мы тут самые крутые, ведущие родословные от богов, бла-бла-бла, а значит, все обойдется тебе, посол, гораздо дороже.

– За кого ты нас принимаешь? Кем же мы можем быть? Демонами, принявшими человеческое обличье?

– Вы можете быть врагами нашего рода, – сказал Кусанку. – И направляться можете к одному из трех злейших наших врагов, этих самозванцев и подлецов, чтобы вступить с ними в сговор против нашего рода. И посланы вы не императором, а каким-нибудь самурайским кланом, желающим отхватить кусок от нашего острова.

Артем понятия не имел, о каких трех подлейших врагах идет речь, да и плевать на них хотел. Ему не нравилось то, что разговор о выкупе никак не начинался. Артем с каждой минутой все меньше понимал, чего же добивается пират.

– Я – посол, – напомнил Артем. – Дело посла – вести переговоры. Вести переговоры принято один на один. Давай отошлем наших людей и поговорим один на один.

– Я – всего лишь моряк, – сказал Кусанку, и глаза его при этом насмешливо заблестели. – Да и о чем мы с тобой станем говорить? Вот мой отец найдет о чем поговорить с тобой.

Артем пребывал в полнейшем недоумении. Происходило нечто непонятное.

Он решил откинуть намеки и высказаться напрямую:

– Как я уже сказал, Кусанку-сан, мы спешим! Ради того, чтобы не задерживаться в пути, я готов пойти на некоторые издержки. Разумеется, в том случае, если плата окажется разумной.

– А я сказал, что ты кажешься мне подозрительным, Ямомото-сан. И твои люди тоже. Раз так, пусть мой отец решает, что с тобой делать. Ты сам все время говоришь, что ты – посол. Значит, и говорить тебе надо с главой рода, а не с такой мелкой птахой, как я, – Кусанку не сдержал усмешки. – Все, посол, твой корабль идет за нами.

Показывая, что время дискуссий прошло, Кусанку повернулся и перескочил на палубу своего корабля. Зато его вооруженные люди количеством поболее десятка никуда уходить не собирались. Совсем даже наоборот. Они довольно грамотно рассредоточились по палубе, чтобы в случае чего в зародыше подавить любое вооруженное сопротивление.

С-ситуация, лопату вам в дупло! Вот ведь свалилось, откуда не ждали! Все происходящее самым категорическим образом не нравилось Артему. Особенно то, что пиратский главарь даже не стал торговаться насчет выкупа. Не может такого быть, чтобы пират даже не заикнулся о деньгах!

Ну а что он, посол и цирковой гимнаст, мог сделать? Рвануть меч из-за пояса да заорать во всю мощь воздушно-гимнастических легких: «Круши их ребята! Гей, айда, сарынь на кичку! Банзай, мать вашу вперегиб!» Конечно, рубка выйдет славная, кто бы спорил, только шансов на победу в ней практически никаких. Тогда что еще можно придумать? Дождаться, когда пиратская посуда отвалит от борта, усыпить бдительность оставшейся гоп-команды послушным поведением, потом внезапно напасть на них и перебить? Положим, этот вариант имеет некоторые шансы на успех, ну а дальше-то что? А дальше пиратская джонка, которая – тут и к бабке не ходи – далеко отплывать не станет и на

которой еще полным-полно головорезов, снова подрулит вплотную. Вот тут уж корсары церемоний разводить не станут, сперва как следует обстреляют из луков, потом пойдут на abordаж и перебьют всех до единого. Словом, надо или погибать, или подчиняться. Погибать Артему отчего-то не хотелось.

Он повернулся к усатому капитану:

– Пусть будет так, как сказал окинавец. Плыдем за ними.

В конце концов, ничего страшного не происходит. Их не грабят, не убивают, самурайской чести урона не наносят. Есть все основания надеяться, что того и другого удастся избежать в дальнейшем. Какие, спросите, к этому основания? А такие, что если хотели бы поубивать да пограбить, то не стали бы откладывать это увлекательное дело на потом. Ни к чему городить огород с турпоездками на Окинаву. «Хорошо, но ведь зачем-то им понадобилось конвоировать нас на Окинаву, к этому своему главе ордена, папаше Хаси или как там его? – сам себя спросил Артем и сам себе же ответил: – Не исключено, что сынок просто побоялся самостоятельно принимать столь ответственное решение. Он ведь не заурядного купчишку заловил, а императорского посла. Тут как бы крупных неприятностей не огрести. Почему тогда он просто не отпустил корабль на все четыре стороны? Так это еще проще. Жадность. Обыкновенная человеческая жадность. Этот парень волчьим пиратским нюхом чует жирную добычу, упускать ее – жаба душит. Но на корабле сидит посол императора, а это, как уже сказано, чревато международными осложнениями. Вот наш пират и надумал: а ну его, пусть, мол, батька решает. А что, вполне приемлемая версия».

Маячить на палубе, путаться под ногами у матросов и пиратов было ни к чему, и Артем направился в кормовую надстройку. Следом за ним туда же перебрались и все остальные члены посольства, кроме Такамори. Вероятно, он решил последить за окинавцами.

В бамбуковой постройке стоял полумрак. Никто, разумеется, вскинувшись со сна, и не подумал снимать с оконных проемов соломенные завесы. Да и сейчас заниматься этим было ни к чему. Или вы хотите лучше видеть знакомые лица? Да и так понятно, что лица у всех сейчас мрачные и напряженные. Может, вам хочется вовремя заметить окинавского пирата, вздумавшего подслушивать разговоры, пристроившись возле оконного проема? А что помешает тем же окинавцам сколько влезет слушать разговоры, прижавшись к любой из стен надстройки, сквозь ничем не заделанные щели между бамбуковыми стеблями?

Если уж речь зайдет о вещах потаенных, лишних для посторонних ушей, то следует вовремя перейти на шепот и по возможности объясняться иносказательно.

Артем присел возле судового хибати[8 - Хибати – глиняная корчага, куда закладывается древесный уголь.], на котором готовили корабельные обеды, а на ночь, накрыв решеткой, вносили внутрь надстройки, чтобы угли здесь отдавали тепло, обвел взглядом людей, рассаживающихся кругом.

– Ну-у, – протянул он. – И какие будут соображения, дражайшие мои? Кто-нибудь может мне объяснить, что происходит? Что это за люди такие? Кто-нибудь слышал об этом проклятом роде Сютэн? А об Окинаве этой кто-нибудь что-нибудь толком знает? Чего нам там ждать, зачем нас туда тащат? Говорите кто что знает.

– Плохо, плохо! Окинава – совсем плохо! – Купец-китаец обхватил голову руками и раскачивался из стороны в сторону.

Он сидел не за столом с самураями, а у стены пристройки, как и капитан.

– Правильного закона нет. Единого закона совсем нет. Каждый князь свой закон пишет. Хочет князь забрать все – берет все. Хочет корабль в придачу – берет. Хочет выкуп брать – выкуп берет. Я совсем пропал, товар весь заберут, а больше ничего у меня нет.

– Хватит ныть, китаец, а то я заткну твой рот! – Садато, сидящий с прямой спиной, хоть линейку прикладывает, стукнул кулаком по колену. – Наши мечи с нами. Будь я проклят, если не прихвачу с собой хотя бы пятерых. Пусть только господин посол прикажет!

– Т-с-с! – Артем сперва приложил палец к губам, потом показал на стены. – Рядом могут быть чужие уши. Давайте говорить тихо, а о важном – только шепотом и никак иначе.

– Полагаю, нет причин хвататься за мечи, отец, – это заговорила Ацухимэ, которая уже давно выбила себе право в их узком кругу говорить на равных с самураями. Прямо скажем, произошло это при попустительстве и даже, может быть, прямом содействии некоего циркача, не слишком ревностно читившего

некоторые самурайские правила.– На Окинаве слишком хорошо помнят воинов Тайра. Вот почему!..

То ли заметив в полутьме недоумение на лице Артема, то ли просто сообразив, что ее слова требуют пояснения, она добавила:

– В эпоху Нидзё от пиратов совсем не стало житья. Источником заразы была Окинава. Тогда император повелел дому Тайра, известному своими подвигами на море, покончить с разбойниками. На Окинаве высадились воины Тайра. Они разбили разбойничье гнездо самого могущественного и опасного в то время окинавского клана Ро Рю Ко, сожгли все их корабли и все дома на побережье, но глава клана с сыновьями сумел сбежать от самурайских мечей в глубь острова. Тогда Тайра послал к каждому из вождей других окинавских кланов своих самураев и велел им передать вот что. Или они разыщут и выдадут сбежавшего и где-то прячущегося Ро Рю Ко с сыновьями и присягнут на вечную верность императорскому дому, или со всеми кланами будет то же самое, что и с кланом Ро Рю Ко. Вожди рассудили так: «Наверное, мы можем, соединив силы, покончить с воинами Тайра, но император и дом Тайра не простят этого. Придут новые воины, большим числом, и истребят всех поголовно». Недолго прождал Тайра, и вожди принесли ему головы вождя клана Ро Рю Ко и его сыновей. Затем вожди отправились вместе с Тайра в Хэйан, где принесли клятву в вечной верности императорскому дому Ямато. Они поклялись не трогать корабли Ямато, а также корабли, идущие в Ямато и из Ямато. С тех пор окинавцы исправно платят установленную дань и очень боятся хоть чем-то прогневать императора. Посему я уверена, что послу императора на Окинаве ничто не может угрожать.

Ацухимэ замолчала, тогда ее брат поставил на стол флягу из тыквы, из которой только что жадно пил, и заговорил:

– Спасибо, сестра. – Хидейоши сопроводил эти слова легким наклоном головы. – Твое знание легенд о подвигах великих воинов прошлого всегда потрясало меня. Я всегда завидовал твоей памяти. Но твоя легенда неверно освещает некоторые вопросы. Начну с того, что окинавские вожди стали платить дань Ямато еще в эпоху Момму[9 - Эпоха Момму – 697—707 гг.]. Да и китайскому императору они стали платить в это же время.

К тому, что собирался сказать Хидейоши, следовало прислушаться со всем вниманием. Как-никак он служил у сиккэна, второго лица в стране Ямато, стало быть, находился в самой гуще государственных дел, к которым, безусловно,

принадлежали и отношения с Утина.

– Окинавцы платили дань более-менее в срок, но при этом продолжали всюду промышленничать морским разбоем. Разбойничьи аппетиты не знают удержа, потому окинавских вако приходилось время от времени вразумлять мечом. Легенда, рассказанная моей сестрой, – всего лишь эпизод вразумления утинантю, пусть и один из самых известных. Чуть притихнув на время, они опять брались за свое. Много изменилось, когда на Окинаве высадился Минамото Тамэтомо, которого упомянул этот молодой вако, хвалясь своими предками. Минамото бежал на Окинаву после того, как был наголову разбит в одном из сражений на Хонсю. Он и его уцелевшие воины нашли приют у одного из окинавских вождей. Вскоре Минамото женился на дочери вождя, стал править вместе с ним и подминать под себя один окинавский клан за другим. Дело Минамото Тамэтомо завершил его сын, который стал единоличным правителем Утина. Он правил под именем Сонтон – молодой вако называл его Сютэн. После смерти Сонтона трое его сыновей поделили Окинаву на три удела, и каждый из них стал вождем на своей земле. Видимо, отец этого Кусанку – как раз один из сыновей Сонтона. Разумеется, я не помню их имен. Вот почему я скажу то же, что и сестра. Ни один из сыновей Сонтона не осмелится причинить вреда послу императора Ямато хотя бы потому, что сыновья эти друг друга ненавидят, друг друга опасаются и друг за другом следят, подсылая шпионов. О том, что у одного из них появился посол императора, очень быстро станет известно двум другим сыновьям. Если вдруг с послом что-то случится, Тони обязательно об этом узнают.

– Ясно, – понятиливо кивнул Артем. – Двое сынишек не упустят момента, срочно накачают донос в Киото, попросят прислать карательное войско и сами с удовольствием к этому войску присоединятся. Поэтому Хаси – так, кажется, зовут отца нашего пирата – не станет так глупо подставляться. Да вообще зачем ему, правителю одной трети Окинавы, причинять вред послу Ямато? Ни одной вразумительной причины этого я не вижу. Но тогда тем более непонятно, что происходит. Зачем пиратам тащить нас на Окинаву?

Артем покосился на капитана, чье лицо выражало крайнюю степень нетерпения, какая бывает у людей, которым очень хочется в туалет, но они вынуждены терпеть, сидеть на месте и кого-то слушать. Господин посол не позволил капитану говорить, потому что хотел говорить Хидейоши. Негоже было давать слово китайцу-капитану вперед самурая высокого ранга.

– Ты не дал мне договорить, Ямомото, – чуток попенял Артему Хидейоши. – Я как раз и собирался сказать, что нужно этому молодому вако. Он хотел ограбить судно, узнал, что на борту находится посол, и передумал. «А дай-ка, – решил он, – отвезу-ка я этого посла к себе. Отец потом извинится, задобрит его подарками. Посол погостит день-другой и оправится дальше. Что узнают другие кланы от своих шпионов? У нас в гостях побывал посол императора Ямато, а к ним не заехал. Другие сыновья Сонтонна решат, что император Ямато особо отмечает именно этот клан. После чего они десять раз подумают, прежде чем замышлять что-то против него».

– Тогда молодой окинавец глуп как обезьяний хвост. Он не понимает, что делает, – сказал как отрезал Кумазава-старший. – Он получит свое сперва от отца, потом от императора.

– Я слышала, окинавцы торгуют людьми, – раздался вдруг голос Омицу, сидевшей возле раненого Абуэ. – Теми, кого они берут в плен, нападая на прибрежные города и деревни. Это так?

Она сказала это мгновением раньше, чем успел заговорить капитан. Усатому китайцу пришлось вновь придержать приготовленные слова.

– Это правда, Омицу-сан, – подтвердил Хидейоши, повернувшись к девушке. – Больше всего страдают Чосон, Дайвьет и княжество Лосон. Иногда набегам подвергаются прибрежные поселения империи Сун и, увы, с горечью приходится признать, даже наши, на Кюсю. Пленников утинантю продают на невольничьих рынках Дайвьета и Сун. Уже оттуда невольничьи караваны увозят живой товар в другие страны. Однако случаи, когда в плен брали бы самураев, мне не известны. Уверен, что их и не было...

– При чем тут невольники! – раздраженно взмахнул рукой Кумазава-старший. – Эдак мы договоримся до того, что нас хотят продать как презренных рабов!

– Мы хотим всего лишь чуть больше узнать об этих людях, отец, – сказала Ацухимэ.

– Грязные дикари и вонючие свиньи – вот и все, что о них надо знать, дочь моя, – наставительно произнес Садато.

– И сколько нам плыть до чудо-острова Окинавы? – спросил Артем, повернувшись к капитану.

Он задал этот вопрос исключительно ради того, чтобы дать наконец капитану высказаться, а то тот так и будет мучиться, боясь помешать разговорам самураев.

– Пусть простит меня господин посол, но на море нельзя загадывать, – торопливо заговорил капитан. – Если бы ветер сохранился, то мы в два дня достигли бы острова Окинавы. Только мы плывем не на Окинаву. Мы и не должны плыть на Окинаву.

Все смотрели на капитана как на сумасшедшего.

– Так это не окинавцы? – первым опомнился Артем.

– Это окинавцы, но они не с острова Окинава. Они и не могут быть с острова Окинава.

– Что ты несешь, китаец! – в приливе гнева Садато по привычке схватился за рукоять меча. – Спятил от страха?! Или ты с ними заодно! Ты и вывел нас на них!

– Я сейчас все объясню, господин Кумазава. – Капитан, у которого по лбу побежала струйка пота, заговорил еще быстрее: – Как только молодой вако сказал, что его отца зовут Хаси, я сразу понял, кто это и откуда. Они – окинавцы, потому что «Веревка»[10 - Слово «Окинава» в переводе означает «веревка, извивающаяся в море».] – это не только остров Окинава, но и семьдесят мелких островов. Они с острова Рюкосима. Именно туда отправился Хаси, которому после смерти Сянтэна не досталось ничего из владений отца. Дело в том, что Хаси – внебрачный сын Сянтэна. Другие сыновья лишь позволили ему основать свое поселение на острове Рюкосима и взять с собой своих людей. Он там и живет. Это настоящий вако, господин посол и господина Кумазава. Да, он тоже платит свою часть дани нашему и вашему императорам, но если другие сыновья Сянтэна хоть как-то соблюдают договоры, то Хаси делает что хочет. Хотя я тоже не могу понять, зачем ему понадобился господин императорский посол.

– Чего ж ты раньше молчал?! – воскликнул Кумазава-старший.

Неизвестно, как бы ответил на этот возглас капитан, но тут зашуршал отодвигаемый соломенный полог. В узкий и низкий проем протиснулся Такамори и подсел к остальным. В этот момент все молчали, обдумывая то, что услышали от капитана. Думать было тяжело, потому что враз оказались под сомнением все оптимистичные расклады Хидейоши.

- Что там? - спросил Артем Такамори, чтобы хоть чем-то заполнить тягостное молчание.

- Вако разлеглись на палубе и дремлют кошачьей дремой, - сказал Такамори. - Легко к ним не подобрешься. Я к ним пригляделся. Похоже, это все бывалые воины. Если что, с ними придется тяжело. Что вы тут решили?

- Сейчас расскажем, - со вздохом ответил Артем и вновь обратился к капитану: - Ну а до этого острова Рюкосима сколько плыть?

- С закатом должны прибыть.

Глава третья

В нашу гавань заходили корабли

Они добрались до Рюкосимы даже раньше времени, предсказанного капитаном. Расстарался попутный ветер, задувавший с такой силой и неутомимостью, что при известном образе мыслей можно было заподозрить, что пиратам помогают морские духи и прочие мифологические персонажи. Не надо было быть доисторическим Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что эта пиратская шатия-братия наверняка поклонялась каким-нибудь потусторонним силам, ответственным за морскую стихию, типа местного аналога Нептуна, и всячески задабривала их, будем надеяться не человеческими жертвоприношениями.

За время перехода от точки захвата до конечной точки круиза земля на горизонте являлась путникам не единожды. Островов тут и вправду хватало. По заверениям капитана, почти все они были небольшими и необитаемыми. Артем не смог убедиться в том, так это или нет. Ближе к островам они не подходили, а

подзорной трубы пока еще не изобрели. Артем, может быть, и хотел бы ее сделать, но не был уверен в том, что это у него получится.

Однако напряженно и вдумчиво размышлять о том, а не двинуть ли оптику в широкие доисторические массы, надо было не сегодня и не сейчас. Как-нибудь потом, во времена затишья. Теперь ему надо было думать о том, как разойтись с пиратами с минимальными потерями. Это внеплановое путешествие по пиратским историческим местам вызывало у нашего героя легкую тревогу, знаете ли. Уж больно подозрительный народец их в гости зазвал, да и сделал это не самым, признаться, деликатным образом.

В конце концов мореходы обеих джонок, идущих одна за другой, повернули и взяли курс на полосу земли, гораздо более протяженную, чем виденные ранее. Артему нетрудно было догадаться, что это и есть тот самый остров Рюкосима.

Им стали попадаться рыбацкие джонки, тоже идущие к острову, к родным берегам. Рыбаки хотели попасть домой до заката. Когда купеческий корабль оказывался поблизости от какой-нибудь из джонок, можно было разглядеть белесые комья сетей, сложенных на носу, а в кормовой части – корзины, накрытые вязанками тростника, под которыми что-то активно трепыхалось. Конечно, это был улов. Артему вдруг пришло в голову, что у здешних рыболовов не должно быть проблем с уловами. Ну разве что такие: «Ах, беда, косяк осьминогов сегодня прошел мимо, а мы так на него рассчитывали. Ну да ничего, набьем корзины какой-нибудь килькой, путассу или рыбой-молотом». Моря должны просто кишеть этой самой рыбой, потому как они, почитай, девственные, нетронутые, не исхожены вдоль и поперек траулерами, не протралены гигантскими сетями, не отравлены нефтяными разливами, химическими отходами и прочим мусором. Обитатели морских вод вольготно проживут еще столетий пять-шесть, и только потом придут иные времена.

Уплывали назад морские просторы, приближался, укрупняясь и проявляясь в деталях, чужой незнакомый берег. Обогнув мыс, корабли вошли в бухту, на берегу которой широко раскинулось поселение. Артем понял, что это и есть пресловутое пиратское гнездо, логово морских ловцов удачи.

В акватории бухты хватало самых разных плавсредств, и больших, и малых. Артем отметил, что здесь есть не только джонки. Две посудины были совсем иного обличья, только вот на ум нашему путешественнику не приходило никаких аналогий. Низкая посадка, никаких надстроек, деревянная статуя явно женских

очертаний, торчащая на носу, отверстия в бортах, проделанные, надо полагать, для весел. Уж не греческие ли галеры это? Или галеры были не у греков? А что тогда у греков? М-да, Артему пришлось с горечью и унынием признать, что он все же слабо подкован в истории кораблестроения разных эпох и народов.

Между кораблями, стоящими в бухте, шустро сновали мелкие лодчонки, приводимые в движение кормовым веслом. Стайка таких тупоносых плоскодонок устремилась к их кораблям, когда те свернули тростниковые паруса, замедлили ход и наконец бросили якоря. Артем понял, что туземцы всегда именно так и встречали односельчан, вернувшихся с удачного промысла. Они быстро перегружали добычу с джонок на плоскодонки, затем перевозили на берег и чужое добро, и пиратскую вахтовую смену, утомленную непосильными трудами.

Пираты, оставленные на их корабле и всю дорогу, считай, продремавшие, сейчас развернули бурную деятельность. Они открыли палубный люк, ведущий в трюм, и принялись окриками и пинками загонять туда экипаж несчастного купеческого судна. Первым эти ребята наладили в трюм капитана, а вот купчину толстопузого отчего-то не тронули. Видимо, за время пребывания на борту пираты не разобрались до конца, кто есть кто, и купца приписали к посольским. Тот, что характерно, разоблачать себя не стал и добровольно в люк не полез.

Понятное дело, тут же определилась и судьба работников членов императорского посольства.

К Артему подошел пират с разорванной ноздрей, видимо, оставленный на их корабле за главного, сказал:

– Иди в лодку, господин посол. И всех твоих людей туда сажай, – и тут же повернулся спиной, нисколько не сомневаясь в том, что его приказ будет неукоснительно исполнен.

Несмотря на огромное желание снести ему голову с одного удара, Артему все же пришлось подчиниться. Вставать в третью позицию, гордо вздымать голову, выдергивать меч и кричать «Как смеешь, свинья, приказывать послу самого императора!» было бы, мягко говоря, нерационально. Если ты чего и добьешься эдаким демаршем, то только более грубого обращения. Пока же, если разобраться, самурайской чести большого урона не нанесено. Мечи никто не отбирал, бранным словом не поносил ни их самих, ни императора. Словом, не

происходило ничего такого, чего представителю императорской власти нельзя было бы пережить без потери лица.

Нет, будь на месте Артема какой-нибудь настоящий самурай знатного рода, так он непременно показал бы гонор, стал бы хвататься за катану, результатом чего стала бы нехилая заварушка с трупами. Артем же не собирался рисковать жизнью своих людей из-за сущей ерунды, то есть недостаточно вежливого обращения. Ну и пусть, от нас не убудет. Для всех хорошо, что он не знатный самурай, а вовсе даже наоборот.

Вечерело. Краски сгущались, солнце падало к горизонту, стремясь поскорее в него зарыться. Пусть они порядочно удалились на юг и на Рюкосима было заметно теплее, чем в Японии, все же и здесь стала ощущаться вечерняя прохлада, чувствовалась осень в своей последней трети.

Артем велел своим людям забрать с собой все вещи, ничего на борту не оставляя, и грузиться на лодки. Бросив взгляд на Хидейоши, он усмехнулся про себя. По глазам, превратившимся в совсем узкие щелки, по побелевшим скулам легко было догадаться, какая буря полыхает сейчас в душе самурая. Хидейоши – это и к бабке не ходи – переживал происходящее в тридцать раз болезненнее самого Артема. Хорошо лишь то, что без приказа господина посла ни Хидейоши, ни кто другой из команды ни на кого не бросится очертя голову, хотя внутри у них все и кипит.

Плоскодонка зашуршала днищем по песку, Артем выскочил из нее, замочив в прибойной волне гэта и край штанов-хакама, вышел на берег и обернулся. Такамори и Ёсимунэ вытаскивали на берег сундук с дорожной казной и императорскими грамотами. Из другой только что причалившей плоскодонки выбралась без чьей-либо помощи Омицу. Артем и рад бы помочь, перенести на руках, но не положено по чину. Зато Ацухимэ дождалась, когда лодчонку вместе с ней вытащат на берег жилистые туземцы в закатанных по колено штанах. Только тогда она поднялась с узла со своими вещами, который использовала как сиденье, и перешагнула через невысокий борт. Раненый Абуэ отклонил руку Кумазава-старшего, болезненно морщась, выбрался из лодки самостоятельно и зашагал прочь от моря.

В очередной раз Артем подивился тому, как же быстро на этих людях все заживает, в точности по присловию – как на собаках. Ладно бы у кого-то одного, уникума и феномена, так нет же, почти все тутошние таковы. В прошлой жизни

Артем подобного не встречал, вот что значит девственный, блин, иммунитет. Тот же Абуэ, нещадно исполосованный на мосту через ущелье Бомо, еще две недели назад больше походил на труп, чем на живого человека, а сейчас уже сам может ходить, хотя и не слишком твердо.

Подгробла к берегу и плоскодонка с Кусанку. Как и Артем, тот выскочил из лодки, не побоявшись замочить ноги. Даже не взглянув в сторону посла и его команды, сын вождя резво направился к поселку.

А к Артему подвалил давешний пират со рваной ноздрей, который распоряжался на купеческой посудине:

– Иди за мной, господин посол.

«Понятно, что за тобой, – проворчал про себя гимнаст. – Куда же еще деваться-то?! Не бежать же с истошным криком к джунглям, обступающим поселок».

Обитатели поселения не вывалили на берег возбужденной толпой, побросав все текущие дела. По всему было видно, что возвращение пиратских джонок – дело здесь насквозь обыденное, всеобщего переполоха давно уже не вызывающее, исключительно рабочий момент, типа того, что муж вернулся со смены домой. Жены, буде таковые у пиратов имелись, ждали своих кормильцев по домам, а не на берегу.

Члены посольства двинулись в сторону поселка. Шли они в сопровождении эскорта из пиратов. Вот иди и гадай – то ли это почетный эскорт, то ли конвой при заключенных? Ведь после сенсационного сообщения капитана они так и не приняли никакого решения, никаких интересных идей не родили. Обсуждение вскоре само собой затухло, все замолчали, кто-то вышел на палубу подышать, кто-то лег спать. Словом, остальное время они просто дожидались окончания плавания. Вот и дождались.

Пиратское логово не поражало глаз изысками архитектуры. Здесь преобладали незатейливые, крытые тростником бамбуковые хижины, их точно разбавляли типично японские каркасные дома, крытые тем же тростником, реже черепицей. Единственная улица поселка тянулась наискосок, все время забирая в гору. Жизнь тут не отличалась каким-то яростным бурлением, какового ты подспудно ждешь от пиратского поселения, ежели тебе когда-нибудь доводилось видеть

фильмы про карибских флибустьеров. Ни тебе рома, хлещущего из бочек, ни тебе хохочущих полуголых красоток в объятиях мертвецки пьяных джентльменов удачи, ни самозабвенной поножовщины над сундуком с добычей. Если не знать, что здесь обитают пираты, то ни в жизнь об этом не догадаешься. Тихий вечер, рыбаки тащат в дома корзины с уловом, из глубины острова идут босые загорелые люди в конусообразных соломенных шляпах, с мотыгами на плечах. Они явно возвращаются с полей. Женщины копаются в огородах, вытряхивают во дворах циновки, носят воду, возятся с посудой, вокруг них и вообще где попало бегают полуголые дети. Словом, ни дать ни взять – самый что ни на есть мирный край. Из этой пасторальной картины выбивалась разве что их процессия, идущая по середине улицы и большей частью состоящая из вооруженных мужчин сурового вида.

Кстати, процессия не особо-то и привлекала внимание поселкового люда, из чего следовал однозначный вывод, что чужаки, топающие со стороны моря, тут были привычным зрелищем. Нет, конечно, кое-кто из местных отрывался от работы, некоторые останавливались, провожали чужаков взглядами, даже выходили за ограду, хотя у большинства домов ограда отсутствовала, но все это любопытство было каким-то вялым, немногим превосходящим то, какое в деревне вызывает возвращение с пастбища стада коров.

Батюшки-светы! Артем аж сбился с шага, на секунду замер и продолжил движение только тогда, когда на него налетел Сато, идущий сзади, но продолжал оглядываться, не веря своим глазам. И было чему не верить. Но поскольку наваждение не рассеивалось, возможность оптического обмана отпадала, то следовало признать, что он видит то, что есть на самом деле, а именно – доподлинную негритянку, занимающуюся во дворе домашней работой. Она по чему-то там увлеченно лупила плоской деревяшкой.

Конечно, Артем, по прошлой жизни не профессор-универсал, а всего лишь цирковой гимнаст, много чего не знал про мир и его законы, и про географию в том числе. Однако он себе примерно представлял, где находится Африка и где – Окинава и какая прорва километров их разделяет! Так что же получается? Неужели на этих вот корытах окинавские чертяги ходят аж до самого Черного континента? Но почему здесь всего одна чернокожая барышня, а не больше? Ладно, плевать, почему не больше. Может, есть и другие, но все остальные как раз сейчас попрятались. Тут другое важнее. Что обнаруженный факт может дать ему, им всем? Можно ли из этого что-то извлечь, как-то это использовать? Или вообще не стоит обращать на это внимание? Вопрос громоздился на вопросе, и

Артем понял, что путается в них как муха в паутине.

Ага, а вот обозначилась и цель, к которой они двигались – домишко, стоящий на вершине холма. Он заметно выделялся из общего ряда: и тем, что занимал господствующее положение над местностью, и тем, что в него утыкалась единственная поселковая улица, и тем, что между ним и прочим поселком проходила довольно широкая пустая полоса. Кроме того, этот домишко был заметно выше всех прочих поселковых строений и его окружал частокол из заостренных бамбуковых стволов. Эдакий форт, в котором при необходимости может укрыться все население поселка и довольно успешно держать оборону.

«Мощно, я погляжу, устроился тут внебрачный сын», – заметил Артем сам себе.

Однако до ворот этого форта они так и не дошли, свернули во двор одного из близлежащих домов. Пиратский конвой остановился посреди двора, остановились и члены посольства. Такамори и Ёсимунэ поставили на землю сундук, а женщины – узлы со своими вещами. Раненый Абуэ еще не дошел сюда. Он с первых же шагов стал заметно отставать. Его не стали подгонять и уж тем более не стали под него подстраиваться. Просто с ним остались двое пиратов, которые его и доведут до места рано или поздно.

С минуту все перетапывались на месте, осматривались, хотя смотреть было особо не на что. Двор выглядел довольно неухоженным, запущенным, заваленным неубранной осенней листвой. Вскоре, не дав невольным гостям долго скучать, появился Кусанку и быстрой походкой подошел к Артему:

– Пойдем со мной, посол императора. Бери свои бумаги и идем. Мой отец ждет тебя.

– Как, прямо сейчас? Но я должен вымыться, привести в порядок сакаяки[11 - Сакаяки – самурайская прическа, которую отличает выбритый наголо лоб.], побриться, надеть парадное кимоно.

– Отец сказал: «Хочу видеть его немедленно». Значит – немедленно. Потом будешь мыться и надевать парадное кимоно. Сперва отец должен подтвердить, что ты и вправду посол, а не выдаешь себя за него. – Кусанку сделал нетерпеливое движение.

– Твой отец хочет видеть меня одного или всех нас? – спросил Артем, не трогаясь с места.

– Зачем ему все? – похоже, совершенно искренне удивился Кусанку.

Не то чтобы Артем опасался идти один или боялся, что одному ему будет скучно. Чего опасаться, когда что один, что в компании – все равно ничего не спасет, ежели заварится что-то серьезное. Да и скучать ему не дадут. Отчего-то Артем был уверен в этом. Просто ему не помешала бы пара лишних глаз японского разреза, которые смогут подметить то, что не увидит Артем, человек иного происхождения и иной культуры-культуры. Кроме того, во время переговоров на высшем уровне никак не вредно иметь под боком толкового советчика, который сможет нашептать на ухо что-то дельное, политически верное. Для надобности номер один как нельзя лучше подходит Такамори, зато Хидейоши, бывший чиновник сиккэна, явно лучше всех из посольской команды искушен в ведении переговоров, равно как и в прочих государственных делах. Конечно, этих двоих могла заменить одна Ацухимэ, но, во-первых, неизвестно, как тутошние пираты относятся к участию женщин в делах государственной важности, а во-вторых, и это главное, Артему ни в какую не хотелось тащить девушку на прием к пиратскому главарю. Вот не хотелось, и все тут.

– Я – посол тэнно Сидзё, – произнес Артем, придав своему голосу как можно больше официальности. – Согласно указам тэнно Сидзё и законам империи Ямато, посла всюду должны сопровождать двое доверенных лиц.

Что там на самом деле велел закон, Артем, разумеется, не знал, но и Кусанку знать тоже не мог. Было бы чудо из чудес, если бы неграмотный островной пират знал все параграфы и уложения законов Ямато.

Кусанку задумчиво помолчал несколько секунд, теребя кончик носа и пристально разглядывая Артема, потом выдал плод раздумий:

– Как только отец скажет, что ты и вправду посол, он немедленно пошлет слуг за теми, кого ты назовешь.

Кусанку повернулся, сделал несколько шагов к выходу со двора и остановился – дал понять, что разговор окончен, других уступок не последует. Артем же не нашел что возразить. Ну и ладно. Прикинув то да се, он решил не настаивать.

Козырные карты сейчас не у него на руках.

Пока они шли к форту, Артему в голову пришло одно соображение. А что, если этот Кусанку не глуп, как считает Садато, а вовсе даже наоборот, то бишь крайне умен и искушен в политических интригах? Узнав, что в лапы к нему угодила не кто-нибудь, а посол тэнно Сидзё, молодой пират еще в море решил выжать из этого счастливого случая офигенную политическую выгоду для своего рода. Какую? А вот какую. Кусанку уже сбегал к папашке, так? Так. Значит, он мог с ним сговориться, и сейчас они разыграют спектакль перед императорским посланцем. Кусанку притворно покается перед отцом. Мол, не ведал, что творил. Отец устроит ему не менее притворный нагоняй. Мол, ладно ты не поверил, что перед тобой посол, но как ты посмел, так твою разэтак, посягнуть на лицо самурайского звания! Ну а потом глава рода устроит послу прием по высшему разряду, чтобы тот пришел в состояние полнейшего и неземного счастья. При этом представителю императорской власти будет вливаться в уши хвалебный елей. Ему будут вешать на уши лапшу о величии императорского дома, всех самураев и вообще всех яматонтю. Кроме того, аккуратно будет проталкиваться в мозг и еще кое-что. Например, то, что другие сыновья Сютэна и есть незаконные наследники, а мы – наоборот, единственно правильные. Их кланы все как на подбор состоят из сволочей, которые только и думают, как бы навредить Ямато и лично императору. Мол, это они-то и грабят всех честных людей, а сваливают на нас. Мы-то обязательно порядок наведем, дали бы нам только власть. Если бы император нам немножко помог воинами и поставил бы нас над всеми, то мы были бы так ему верны, как никто и никогда не был верен... Ну и так далее, в таком вот духе. Само собой, не обойдется и без поднесения подарков – и для императора, и для посла.

Вволю наотдыхавшись, посол продолжит свой путь. Небольшая задержка вряд ли что-либо всерьез расстроит. Зато потом, в своем отчете императору, письменном или устном, благодарный господин посол отметит лояльность Хаси императорскому дому, их стремление к всеобщему порядку на всех островах архипелага и готовность взять на себя всю ответственность за это. Глядишь, и придет кому-нибудь из важных людей в Хэйан такая мысль: а не проще ли и в самом деле иметь дело с одним вождем, а не с тремя?

И так и эдак прокатав в голове этот вариант, Артем пришел к выводу, что при всей своей безудержной оптимистичности он вполне даже реален. По крайней мере, он прекрасно объясняет все, что с ними произошло. Все камушки идеально укладываются в мозаику. Вот этими мыслями Артем и занимал себя всю дорогу,

заметно улучшив себе настроение.

Они прошли добротные ворота из толстых досок, обитых по краям широкими медными полосами. Весьма примечательные ворота, надо сказать, потому что полосы были покрыты вязью, здорово смахивающей на арабскую. Во всяком случае, так показалось Артему, циркачу и акробату. У него сложилось впечатление, что ворота откуда-то сняли и привезли сюда, а не сработали на месте. За ними помимо главного строения с типично японской двускатной крышей обнаружилось множество строений мелких, в беспорядке разбросанных по территории форта. Для простоты Артем решил именовать это укрепление именно так, хотя это словечко, конечно же, принадлежало совсем другой эпохе и иной географии.

Артем разглядел синтоистское святилище с характерными воротами-торий, находящееся несколько наособицу от прочих построек. Прямо сказать, это было странно. Как правило, святилища располагались вдали от всяческой мирской суеты, там, где тишина и уединение, в горах, на берегах озер, возле водопадов, но никак не в непосредственном соседстве с хозяйственными постройками. Что ж, вот вам и еще одно напоминание о том, что здесь не Ямато.

Они двинулись к главному строению форта. Никаких рыбаков с крестьянами во дворе, разумеется, не наблюдалось. Тут им делать было нечего, здесь был мир воинов.

Кусанку и Артем взошли на широкое крыльцо, которое можно было бы назвать типично японским, если бы не балки, окрашенные в разные цвета, чего в Ямато никто никогда и нигде не делал. Дверь в дом была чуть отодвинута, изнутри доносились громкие голоса и смех. В оставленную щель в дом и из дома проскальзывали слуги с плошками и кувшинами.

Переступив порог, Артем сразу уловил запах жареного мяса. Этот аромат практически обжег ему ноздри – уж слишком отвык от него бывший циркач за последние четыре месяца.

Сколько Артем себя помнил, он всегда относился к еде довольно равнодушно. Не то чтобы ему было совсем фиолетово, чем набивать брюхо, но требования он имел крайне невысокие. Лишь бы не протухло и утоляло голод. За эдакое отношение к кулинарии ему следовало благодарить родителей, не избаловавших

чадо изысканной домашней кухней. Тот, кто сызмальства питается все больше столовской пищей или разогретыми полуфабрикатами, вряд ли когда-нибудь сделается капризным гурманом с изысканными запросами. Видимо, по этой причине Артем легко и просто, без всяких душевных мук и желудочно-кишечных страданий, перешел на японскую кухню, совершенно не знакомую с пельменями, макаронами и блюдами из мяса, зато обильную рисом, овощами, рыбой и морепродуктами. Но вот поди ж ты, стоило ему унюхать запах жареного мяса, и Артема захлестнуло зверское желание это самое мясо даже не съесть, а именно сожрать, смачно хрустя поджаристой корочкой и по самые десны вгрызаясь в сочащуюся мякоть.

«Не о том ты думаешь, посол, – сам себя приструнил Артем. – Непонятная ситуация, подвешенное состояние, непонятные намерения крайне подозрительных личностей, кишаших вокруг, а ты – о мясе! Чего доброго, и в животе у тебя заурчит, громко и протяжно, на весь зал».

К тому же мысли о мясе были совершенно неуместны. Ему никак нельзя будет прилюдно лопать мясо. Он сейчас не сам по себе и не сам за себя ответчик. Он представляет страну Ямато и ее императора, значит, должен этому соответствовать даже в еде. Хорош же будет яматонтью, который на глазах утинантю трескает мясо. Как такому можно после этого доверять?

Жареное мясо, как и вся остальная еда и множество всяких кувшинов и жбанов с питьем, располагалось на узком низком столе, тянущемся через весь зал. За столом хватало едоков, которые отнюдь не грустили на пустой желудок, не смея притронуться к яствам, покуда не прибудет его высокоблагородие посол Ямато. Наоборот, цвет здешнего пиратства наворачивал за обе щеки все продукты питания, заработанные непосильным и опасным трудом. Присутствующие обильно запивали эти продукты, причем вряд ли хрустально чистой родниковой водой. Достаточно было просто приглядеться к некоторым товарищам, которые умудрялись заметно пошатываться даже в сидячем положении. Словом, труженики моря пировали, так сказать, отдыхали после трудовой вахты.

Оружие лежало на полу рядом с едоками или оставалось заткнутым за пояс. Безоружными здесь были лишь слуги и служанки, шныряющие за спинами едоков. Весь этот праздник жизни освещали фонари-гандо, подвешенные на крюки, торчащие из балок, и чадящие масляные светильники, расставленные вдоль стен.

Ух ты, вот это да! Вилки! Двухзубые вилки! Кажется, серебряные. Да-а, вот уж чего он не видел в Ямато. Собственно, никаких иных столовых приборов, кроме палочек, он там и не видел. А тут вон оно как, оказывается. Правда, Ацухимэ однажды в ответ на рассказ Артема о том, с помощью каких приспособлений в его стране доносят пищу до рта, заявила, что и в Ямато было дело. Завезли из Китая или из Корё «вот то самое, о чем ты говоришь и что называешь ложками и вилками». Однако мода на это безобразие прошла молниеносно, потому что тех, кто пользовался этими приспособлениями, стали считать обжорами и лентяями, а таковыми никому не хотелось прослыть. Здешних же едоков, похоже, несколько не пугала подобная перспектива.

Главного человека за этим веселым столом не смог бы вычислить разве что слепец или чертовски глупый человек. Главварь, он же глава рода по имени Хаси, возвышался над остальными, восседая на некоем подобии трона. Артем долго не мог понять, на чем же он так удобно устроился, потом, чуть позже, разглядел, что это ворох шкур. За спиной у атамана торчала какая-то сложная конструкция из металлических прутьев, прямых и гнутых, с навешенным на нее круглым деревянным щитом. Предназначение конструкции Артем, как ни силился, угадать не смог. Ради красоты? Хотя какая в этой фигуре красота. Но вполне возможно, что и сам Хаси не был знаком с изначальным предназначением этой хреновины. Наверное, он захватил ее в одном из набегов, где греб подряд все мало-мальски ценное, а здесь уже задумался, к чему бы приспособить, и надумал с ее помощью выделить свое атаманское место за столом. Потом, возможно, Хаси усмотрел и утилитарную пользу, которую можно извлечь из хреновины. Когда она за спиной, намного сложнее подобраться к нему сзади и вонзить в спину что-нибудь острое.

«Если внимательно приглядеться, то тут наверняка можно будет обнаружить немало предметов, которых нет в Ямато, – подумал Артем. – Эти труженики моря много всего натаскали из набегов. Будет время – пригляжусь».

Ну а пока он по ходу дела отметил, что в углу пиратской залы красовалась полуметровая бронзовая статуя Будды, зато какэмоно[12 - Какэмоно – традиционный японский живописный или поэтический свиток, один из элементов средневекового архитектурного стиля сёин-дзукури.], неизменных в японских домах, на стенах не было.

Артем, следуя жесту Кусанку, остановился напротив пиратского атамана, по другую сторону стола. Кусанку обогнул стол и направился к своему папаше, главе рода.

Этот человек был весьма колоритен. На вид лет пятидесяти, коренастый, с бритой наголо головой. При взгляде на него на ум Артему пришел пенек векового кедра с торчащими из земли могучими щупальцами корней. Только у этого вместо корней толстые руки, перекрученные мышцами. А грудь его напоминала пузатый бочонок. Созерцать могучую мускулатуру здешнего главаря Артему ничто не мешало. Он сидел голый по пояс и по крайней мере по этот самый пояс был густо покрыт татуировками, состоявшими в основном из иероглифов, и шрамами. Судя по количеству и разнообразию рубцов, главарь руководил здешним кондоминиумом отнюдь не из спокойного кабинета.

Да и кроме него полуголых людей за столом хватало. Сие никак не нарушало здешний этикет, равно как не нарушали его такие манеры, как вытирание испачканных рук о тело или об одежду, громкое отрыгивание или сморкание в ладонь с последующим вытиранием этой самой ладони об штаны. Жарко было в помещении, так что без одежды сидеть, конечно, гораздо комфортнее, тут не поспоришь.

Пальцы папаши Хаси были унизаны кольцами и перстнями. Кстати, таковые имелись не только у него, но и у других пиратов, хотя у тех, ясное дело, поменьше и победнее. Между прочим, в Ямато Артем видел аналогичные украшения только в Киото и только у женщин. Оно и понятно. Подобное украшательство никак не сочеталось со строгим самурайским духом. Разве что оружие и доспехи можно чем-то украсить, посеребрить там или цветную ленточку приспособить, и то если не в ущерб боевым качествам. Короче, по всему было видно, что здешним морским воякам самурайский дух совсем не близок.

Между тем Кусанку обогнул стол и опустился на циновки по левую руку от атамана Хаси. По правую уже сидел молодой человек примерно того же возраста. Стоило Артему повнимательнее приглядеться ко всем троим, как у него пропали всяческие сомнения в том, что он видел перед собой папашку и двух его сыновей. В лице второго, по имени пока неизвестного, на взгляд Артема наличествовали некоторые признаки дефективности.

Этот атаман совершенно не походил на изнеженного, слабовольного правителя. Вряд ли он мог себе позволить купаться в роскоши и удовольствиях, ничего при этом не делая. Стоило только Артему повнимательнее приглядеться к обоим его сыночкам с волчьими взглядами, как ему сразу стало ясно, что их папаше расслабляться никак не стоит, ежели, конечно, он не хочет профукать свой трон.

Артем поклонился – вежливо, но без излишнего подобострастия. Надо же было поприветствовать главу рода, тем более происходящего от знатной самурайской семьи Минамото. Да и вообще перед ним как-никак был правитель. Пусть легитимность его державы и сомнительна, но послу положено кланяться первым, хоть он и зашел в гости не по своей воле.

Правитель ответил ему лишь легким наклоном головы.

Артем не мог сказать, что почувствовал бы и как бы повел себя на его месте другой императорский посол, принадлежащий к какому-то из самурайских родов. Счел бы он себя оскорбленным до невозможности, или подобное вполне укладывается в отношения императорского посла и чужого правителя? Эх, кабы кто подсказал...

Атаман тем временем жестом показал, что гражданин посол может садиться. Следующим жестом, опять же вполне понятным и по-другому не толкуемым, Хаси предложил, мол, ешь, гостюшка дорогой, не стесняйся, за все уплачено. Стоило послу усесться, как из-за его спины бесшумными тенями выдвинулись слуги и служанки, поставили перед гостем плошки, положили палочки и налили в серебряный стаканчик тоже не японской работы какой-то мутноватой бурды из глиняного кувшина с клювоподобным горлом.

«А батька-атаман что, разговаривать вообще не умеет, только жестами изъясняется? Или ему по статусу говорить не положено?»

Стоило Артему так подумать, как батька-атаман заговорил вполне человеческим языком:

– Ты – не яматонтю. – Он вытянул палец в сторону Артема.

– Ты прав, – сказал Артем. – Я – не яматонтю. Но я и не говорил, что я – яматонтю.

«Содержательный у нас с тобой складывается разговор», – подумал посол Ямато.

– Тогда откуда ты? – спросил Хаси.

Говорил он с тем же акцентом, что и его сынок – Кусанку, но это не был наследственный дефект речи. Артем слышал, что и другие участники застолья общаются между собой на этом же говором. Понять их речи без привычки можно было лишь с некоторым напряжением. Артем подметил, что многие сотрапезники непринужденно общались между собой на китайском. Скорее всего большинство здешних жителей свободно владело обоими языками.

– Я родом из страны под названием Русь, – ответил Артем. – Она находится очень далеко отсюда.

– Эй! – Стоило атаману чуть повысить голос, как в помещении вмиг все замолкли, притих даже самый слабый шепот. – Кто-нибудь слышал о такой стране – Русь?

Пираты переглядывались, пожимали плечами и разводили руками, некоторые выкрикивали: «Не знаем, никогда не слышали о такой!»

– Эй, господин Хаси! – В дальнем углу зала с циновок поднялся худощавый пират в китайской одежде. – Помнишь ту лоханку возле Чангфо с парусом из тряпки, на которой была намалевана красным какая-то птица? Эти псы еще не хотели бросать оружие, и нам пришлось убить их всех. Их короткие неудобные мечи, годные лишь для ковыряния в дерьме, должны еще храниться в чьих-то домах. Помнишь, тогда мы еще взяли много черных клыков зверя омаши? Не из той же земли твой гость, что и те, с птичьего корабля?

Хаси махнул рукой:

– Ты все позабыл, Гинован. Те были черны кожей и волосом, и у всех у них бороды были клиньями. А мой гость белокож, и волос у него красный. Ты забыл, Гинован, что потом мы видели такой же корабль в Хайфоне, на нем тоже были чернокожие и черноволосые люди. Нам говорили, что они приплыли из-за Грязного моря, но никто не произнес слова «Русь». Скажи, гость, – тут атаман вытянул из ножен широкий кинжал с золоченой рукоятью, наклонился к столу и отрезал ломоть ананаса, – а не в твоей ли стране люди ходят с ног до головы замотанными в шкуры и мажутся медвежьим жиром?

Честно говоря, этот обмен географическими познаниями в духе старика Хоттабыча начал утомлять Артема.

– Да, в стране Русь довольно холодно, – сказал он. – По полгода лежит снег, и все мужчины отращивают бороды, чтобы их лица не мерзли. У нас много лесов, в них много медведей, на которых ходят с рогатиной. Каждый мужчина должен добыть медведя с одной лишь рогатиной, иначе он не будет считаться мужчиной. Что еще ты хочешь знать, хозяин этого дома?

Атаман отбросил обглоданную ананасовую корку, утер губы ладонью.

– Когда ты попал в Ямато и сколько там прожил?

Артем не видел причин скрывать правду.

– Полгода как попал, полгода и прожил.

– А скажи нам что-нибудь на твоём языке.

Хаси замолк в ожидании.

Артем хотел было выдать ему сочную фразу, состоящую по меньшей мере из семи этажей, но посчитал, что это все же недостойно посла, пусть его никто здесь и не поймет. Долго думать ему не хотелось, поэтому он просто выдал первый пришедший на ум стишок, «Бородино» Лермонтова, хотя и прочитал его без вдохновения и выражения.

Хаси, видимо впечатленный звуками неведомого языка, некоторое время молчал, потом снова заговорил:

– Певучий язык. Вот еще что скажи, гость. Мы чтим бога ветра и воды Сусаноо, еще чтим китайского бога Наньдоу. Чтут ли у вас этих богов?

Артем не имел представления, что по протоколу должен делать посол в подобных случаях. Да и прописаны ли хоть в одном протоколе подобные ситуации, когда посла в гости зазывают силой? Сомнительно, знаете ли. Однако

прописаны или нет, но от эдакого приема императорского посла главой сомнительного клана все явственней веяло абсурдом. Не было ни официального представления, ни неофициального. Атаман не спросил его имени, да и сам не представился, зато затеял идиотские географические и этнографические дознания. Хоть тресни, а расскажи ему, где расположена страна Русь и кто там мажется медвежьим жиром. Вздохнув про себя, Артем решил, что пора переламывать ситуацию. Иначе можно увязнуть в этом абсурде, как в зыбучем болоте.

- Нет, бога Сусаноо у нас не чтут. У нас его просто не знают, как и второго бога. Но почему мы говорим об этом? Да, я родом из страны Русь, но плыву я из Ямато. Я не вольный странник, а посол Ямато, назначенный на эту должность самим тэнно Сидзё. Я - даймё Ямомото, известный в Ямато как Белый Дракон и победитель монголов. Вот мои грамоты.

Артем достал из-за пазухи бамбуковый пенал с вложенными в него свитками рисовой бумаги, на которых придворными каллиграфами было прописано, кто есть таков податель сих бумаг, чью волю он исполняет и какие полномочия имеет. Все бумаги были заверены подписями императора и сиккэна, украшены императорскими печатями, все путем, короче.

Атаман пнул ногой сынка, того самого, что сидел одесную отца и чье лицо показалось Артему малость дефективным, и жестом приказал, мол, забери пенал у нашего дорогого гостя. Да живо, тварь такая! Сынок с поспешностью все исполнил.

Папаша Хаси вытер о штаны ладони, испачканные ананасовым соком, открыл пенал, вытащил бумаги и развернул их. Он даже не стал изображать, что читает, бегать глазами по строчкам, просто посмотрел печати, потрогал их пальцами, покивал и засунул бумаги обратно в пенал.

- Печати императорские, подлинные.

Он бросил пенал через стол. Артему пришлось ловить его. Конечно, пенал он поймал.

- Выходит, ты направляешься с посольством в родную страну?

– Выходит, так. А ты так и не назвал своего имени. Как мне к тебе обращаться?

– Я думал, ты и так знаешь мое имя! – Хаси показал на Кусанку. – Выходит, он тебе не сказал? Вот же обезьяний выкидыш!

Атаман двинул Кусанку в бок ногой, и тот повалился на циновки. Папаша захохотал.

– Дерьмо лягушачье! – без всякой злости огрызнулся Кусанку, потирая ушибленный бок. – Увидишь, как я тебе потом заеду!

– Ямомото, говоришь? Да еще даймё! А я – Хаси из рода Сютэн, правителей Окинавы.

Из плоски, которая стояла перед ним, атаман прямо рукой достал что-то белесое и продолговатое, похожее на маринованных червей, с которых стекали капли соуса, отправил это дело по назначению и продолжил говорить с набитым ртом:

– А вот скажи мне, Ямомото, как ты станешь добираться до своей страны, которая лежит так далеко, что даже я о ней не слышал?

– До Ханчжоу морем. Оттуда пойдем с торговыми караванами, пока не достигнем реки, которая зовется Днепр. По ней мы поднимемся на лодках. Ближе к верховью Днепра начнутся земли моей страны.

– О такой реке я не слышал. Я не стану спрашивать у своих псов, слышали они или нет. Все равно я туда не пойду. Мне и здесь забот хватит до конца жизни. Хотя кто знает, когда он наступит, этот конец жизни. – Он подмигнул Артему. – Вот ты знаешь, посол Ямомото, близок или далек конец твоей жизни?

Что-то не понравился Артему ни сам вопрос, ни тон, каким он был задан, как не нравился и весь этот так называемый прием. Как-то неправильно все проходило, с душком и с нехорошим подтекстом, хотя Артем и не знал, как бывает правильно, потому что это был его первый в жизни опыт посольской работы.

В этот момент над головой императорского посла мелькнуло нечто, как ему показалось, ячеистое, сзади навалились люди, прижимая руки.

Глава четвертая

Гостеприимство бывает разное

Артема застали врасплох. Он привык, что за спиной постоянно перемещаются слуги, носят тарелки и кувшины, поэтому и не крутил головой, услышав сзади чьи-то шаги. Поэтому люди Хаси подобрались к нему безо всякого труда, накинули сеть, потом навалились и скрутили.

Дальше и того проще. Туземцы в два счета избавили господина посла от мечей и так стянули его веревками, что руками нельзя было пошевелить.

Артем в веревках не бился и никаких проклятий не выкрикивал. Говоря откровенно, он был потрясен, растерян и все еще надеялся, что это какой-то дурацкий розыгрыш, какие-нибудь изысканные, но безобидные местные шутки.

Тем временем Хаси приказал своим людям выметаться и поторапливал их, хлопая в ладоши:

– Живее убирайтесь, ублюдки вшивые! Шевелись, кишки собачьи!

Какому-то вдрызг пьяному пирату дружки поддали ногой под зад. Он упал на стол и под общий смех проехался по нему, сшибая посуду. Другого участника застолья, уже не способного к самостоятельному передвижению, сотрапезники вышвырнули на улицу, предварительно со смехом раскачав. Да, нравы тут царили самые незамысловатые. Возможно, в другое время Артем, несколько утомленный церемонностью японской жизни, тоже посмеялся бы вместе со всеми.

Хаси взял кубок и отхлебнул из него. По его подбородку потекли мутные струйки, закапали на рифленый живот и на штаны. Опустошив посудину, он рыгнул и поставил ее на стол.

– Ну что, Ямомото, – утерев рот рукой, заговорил атаман. – А теперь ты похож на посланника потомка богини солнца Аматэрасу?[13 - Японская императорская династия ведет свой род от богини солнца Аматэрасу.]

– Издеваешься, Хаси-сан?

– Да что ты, Ямомото-сан! Это вот ему, моему сынку Аоки, этому члену дохлой обезьяны, не терпится поиздеваться над тобой. – Он мотнул головой в сторону сына, сидящего справа. – Не любит он яматонтю. Даже тех не любит, кто не похож на яматонтю, но прибыл от их императора. Но я не спешу отдавать тебя в его руки. На то есть три причины. – Хаси поднял сомкнутый кулак и отогнул один палец. – Причина первая. Ты все-таки не яматонтю и не самурай. Эти мечи, что торчали из-за твоего пояса, ничего не значат. Их можно дать любой обезьяне или кому-нибудь из моих недоносков, но от этого они не станут самураями. То есть ты – не тупоголовая падаль, как все самураи. Это раз.

Когда атаман отзывался о самураях, в его голосе прозвучала неподдельная злость. Видимо, где-то как-то крепко они ему насолили. Кстати, Хаси был потомком знатного самурая Минамото.

«А может, в этом и дело? – пришло вдруг в голову Артему. – Он отчего-то вообразил, что японцы должны посадить его на окинавский трон, а те все не сажают и не сажают. Отсюда и ненависть ко всем самураям».

– Причина вторая. – Хаси отогнул следующий палец. – Я хочу точно знать, сколько ты стоишь, посол Ямомото... или кто ты там на самом деле. Я хочу знать, ты и один чего-то стоишь или только вместе со всеми своими людьми.

Атаман зачерпнул из плошки горсть чищенных лесных орехов и закинул их в рот.

– Выкуп собираешься требовать, – понятно произнес Артем.

– А у кого я должен его требовать? – прищурившись, спросил Хаси.

– Тебе виднее. – Акробат пожал плечами, насколько позволяла опутавшая его сеть. – Тебе же это не впервой. Ты же, я так полагаю, этими делами на жизнь зарабатываешь. Должен знать расценки.

– Эй, Ямомото. – Атаман сделал паузу, чтобы смачно, от души рыгнуть. – Хочешь вина? Китайское, из гаоляна? Не хочешь? Ну как знаешь.

– Ты что, отец! – подал голос сынок по имени Аоки. – Хочешь поить вином этот кусок дерьма? Я бы лучше натолкал ему в рот песка.

– Заткнись, ублюдок! – рявкнул Хаси и швырнул в Аоки пустым кубком. – Ты такой же тупой, как твоя мамаша-тангутка. Вот его мать была умной женщиной. – Отец показал пальцем на Кусанку. – Потому что она – настоящая утинантю. Эй, ублюдок, кубок отдай! И не забудь наполнить его, сын тангутской шлюхи!

В другое время Артем, может быть, и счел бы важным тот момент, что папаша Хаси, по всей видимости, не случайно сталкивает лбами своих отпрысков и наследников его престола. За этим скрывался какой-то резон.

– Ямомото, есть и третья причина того, что твоя голова и головы твоих самурайских дружков все еще торчат на плечах, а не сложены в мешок. Тай-фу[14 - Тай-фу – несколько искаженное китайское «тай фын», то есть большой ветер.], Ямомото. Тай-фу – вот третья причина.

– Тайфун? – искренне удивился Артем.

– Да, Ямомото, он самый. Этой ночью будет тай-фу. Я вижу в твоих глазах удивление, посол. Ты, конечно, не можешь понять, откуда возьмется тай-фу? День был ясный, вечер тихий. А оттуда, что ветер весь день задувал с закатной стороны и только усиливался, горизонт набухал лиловым, а все вернувшиеся с моря рыбаки говорили, что рыба уходит на глубину. Вот увидишь, Ямомото, в ночь ветер обрушится со страшной силой. Это значит, что Мацумото никак не сможет появиться здесь завтра. Может, он и никогда уже не появится, если тай-фу накроет его в море. Но если Мацумото повезет, если он укроется на одном из островов или вовсе не выйдет в море...

– Подожди, подожди! – почти крикнул Артем. – Ты сказал «Мацумото»? Ты говоришь о самурае сиккэна, об одном из самых доверенных его людей?

– О нем, шелудивом псе, о ком же еще! – Хаси отправил в рот еще одну горсть орехов и отряхнул руки от шелухи. – Видишь мешок у моих ног? В нем мы должны передать этому Мацумото твою голову и головы твоих самураев.

Атаман сказал об этом так просто, будто речь шла о картошке, а не о человеке, сидящем напротив него.

– Зачем? – глухо спросил Артем.

Хаси взял кубок, наполненный Аоки, отхлебнул из него и взмахнул рукой, расплескивая вино из гаоляна.

– Вот здесь, Ямомото, на твоем месте, не так давно сидел Мацумото. Только без рыболовной сети на плечах. – Атаман хохотнул. – Мацумото приплыл всего с двумя самураями на рыбацкой джонке. Самурай на лодке рыбаков! Сразу ясно, он хотел, чтоб все было тайно. Дескать, кто их случайно увидит, примет за рыбаков. Хотя из них рыбаки, как из этого выкидыша Аоки – китайский император!

Атаман опять зашелся смехом, не удержался от улыбки и Кусанку. Даже Аоки криво ухмыльнулся. Жаль, Артем не мог повеселиться с ними за компанию.

– Сидя здесь, Мацумомто предложил мне выгодное дельце. Он сказал, что за какую-то полудюжину голов я смогу взять себе все монеты, какие будут на корабле, а там, мол, найдется не одна связка серебряных и золотых монет китайской чеканки. Еще он сказал, что я смогу забрать себе весь груз, что будет на корабле, на котором поплывет большой красноволосый человек с белой кожей.

«Значит, прав оказался Такамори. Сиккэн действительно не собирался оставлять меня в живых, – отстраненно и холодно констатировал Артем. – Следует отдать сиккэну должное, он придумал простой и изящный способ раз и навсегда избавиться от Белого Дракона, причем так, чтобы подозрения не пали на него самого. Дескать, еще один корабль уплыл навсегда».

– Ты слушаешь меня, большой белый человек? Так вот, потом Мацумото добавил: «Сделай так, чтобы не осталось никаких следов. Разумеется, кроме отсеченных голов, которые ты отдашь мне. А так пропал корабль на море и все. Мало, что ли,

их пропадает в морях!» Мацумото сказал, что это будет хорошая сделка, не так ли?

– Слишком хорошая, – произнес Артем. – Я бы на твоём месте сразу отказался. Но ты ведь не отказался, Хаси-сан? Почему? Из-за жадности?

– Смотри, Кусанку. – Хаси повернулся к сыну, сидящему слева, подмигнул ему. – Такая большая белая обезьяна, а тоже чего-то соображает. Да, Ямомото, ты прав, головы столько не стоят. Конечно, если это не головы чингизидов, манчжурских каганов или магараджей из страны слонов. Ты думаешь, я прямо так и сказал Мацумото? Нет, посол, нет. Я знал, что языком Мацумото со мной говорит сиккэн. Меня просил об услуге не какой-то вшивый самурай, могущий только исполнять приказы. Его ртом со мной говорил сам Ходзё Ясутоки. Можно было, конечно, отказать сиккэну, но нельзя сомневаться в том, что он этого не забудет. А кому охота иметь среди недругов сиккэна страны Ямато?! Вижу по твоему лицу, что и ты думаешь, как я. – Атаман опять отхлебнул вина. – Я всего лишь спросил у Мацумото: «Скажи мне, кто он, этот большой белый человек?» Он ответил, что у этого человека будут с собой посольские грамоты, но это всего лишь бумаги и ничего более. «Вот и все, что тебе надо знать, – сказал мне Мацумото. – Незачем тебе совать голову в наши дела». Тогда я спросил у Мацумото: «Ты останешься и дождешься голов?» Мацумото сказал, что нет, его, мол, ждут неотложные дела, он должен плыть обратно.

«Я примерно представляю себе эти дела, – подумал Артем. – Хм, а по всему выходит, что сиккэн до предела ограничивает круг посвященных, чтобы ни один лишний человек не узнал, что же на самом деле должно случиться с Белым Драконом. Оно и понятно, слишком уж грязное дело задумал Ясутоки, ему никак нельзя допустить, чтобы это выплыло наружу. А раз так, то и Мацумото оказывается в группе очень большого риска».

– Мацумото сказал, что отплывет из Осаки на следующий день после тебя, значит, и здесь будет где-то через день, – продолжал Хаси. – Но, как я уже сказал, идет тай-фу, очень сильный тай-фу, который будет бушевать, думаю, не один день. Теперь ты понял, Ямомото, почему все еще жив? Ты понял, посол, почему не сброшен за борт, а твое тело, усеченное на голову, сейчас не обглаживают рыбы?

– Куда ему понять, недоумку! – вмешался сынок по имени Аоки.

Казалось, он не говорит, а выкрикивает каждое слово.

– Заткнись, объедок! Еще раз встрянешь, и я набью твой поганый рот рыбьими хвостами. А тебе, Ямомото, я объясню еще кое-что. Ты все поймешь, если не тупой, как эти вот пожиратели крысиного дерьма! – Атаман шумно, всей пятерней, почесал живот. – Наш род, смешавший кровь родов Сюнтэна и Сё, очень силен, но пока занимает недостойное место. Вот эти ублюдки, мои детишки, они как думают? Безмозглый Аоки считает, что если резать всех подряд и топить корабли без разбора, то нашему роду скоро не станет равных в подлунном мире. Вот этот вот пес смердящий Кусанку умнее своего братца, но тоже дурак дураком. Он считает, что если кто выберет себе сильного покровителя, скажем, этого твоего сиккэна, и будет верным ему как собака, то все будет хорошо, только господина надо выбрать правильно. Это, может, где-то в другом месте хорошо так рассуждать. Но мы живем посредине морей, между Ямато, империей Син, империей Цзинь, Корё, Чосон, Дайвьетом и разной мелочью вроде владений моих братишек, чтоб осьминог проел им кишки. Да, мы присягнули на верность императору Ямато и китайцам, ну и что? Пришлось присягнуть. Но завтра усилится, скажем, Корё, подчинит себе Ямато, и твой император станет вассалом верховного правителя Корё. Зачем нам тогда хранить верность Ямато? Себе на погибель? – Хаси звучно рыгнул. – Теперь я перехожу к главному, Ямомото. Прежде чем что-то сделать, я должен узнать все. Потому что, сделай я сегодня глупость, завтра об этом узнают эти вонючие твари, называющие себя сыновьями Сюнтэна. Они тут же перестанут грызться друг с дружкой, объединятся против нас, и нам придется туго. Чтобы не сделать глупость, Ямомото, я должен знать все, обо всех и обо всем. Я должен понимать, какую петлю, вокруг чьей шеи и кто затягивает. А вдруг вокруг моей? Я не знаю, может быть, ты врешь, Ямомото, и нет никакой страны Русь. Тогда кто ты такой на самом деле? Куда ты плывешь? Отчего на самом деле так боится тебя сиккэн? Я должен знать. В конце концов, твоя голова, может быть, стоит шести кораблей с медью, а не одного. Тогда я должен знать, кому ее можно продать за эту цену. А шесть кораблей – это уже деньги на неплохое войско из чосонских наемников, готовых за деньги резать кого угодно. Я должен все знать, Ямомото, вот в чем дело. Я слышал, у вас в Ямато был мятеж, но до моих ушей докатилось лишь эхо. Я хочу подробностей. Может быть, дни сиккэна сочтены, а я выступаю на его стороне. Вдруг завтра придут другие люди, которые скажут: «Кто убил нашего друга Ямомото, кто помогал сиккэну? Мы убьем всех, кто помогал сиккэну». Я тебе честно скажу, Ямомото, лучше всего было бы оставить тебя в живых, посадить под замок и держать там сколько потребуется. Но хитрому, недоверчивому Ясутоки нужны доказательства моей преданности, то есть ваши головы. Чью голову я должен отдать Мацумомто вместо твоей?

– Тайфун! – вдруг осенило Артема. – Ты можешь свалить все на тайфун! Скажешь, что перевернулся корабль, на котором твои люди везли тебе наши головы.

– Ты глуп как пальмовый клещ, Ямомото, если полагаешь, что я сам не смог додуматься до такой простой вещи. Однако сиккэн слишком умен, он никогда до конца не поверит в сказку о тай-фу. А потом я все время должен буду опасаться сиккэна и в случае чего вряд ли смогу надеяться на его помощь. Зачем мне это, Ямомото? Не знаешь? Вот то-то. Если я пойму, зачем мне это, тогда еще можно будет подумать. А чтобы понять, сперва я должен узнать все, до донышка, без остатка. От кого я могу все узнать? От тебя и твоих людей. А может, ты владеешь тайной, которая стоит шестидесяти кораблей с медью, и эту тайну вместе с тобой и пытается похоронить сиккэн. – Он хитро подмигнул.

«Вот оно, самое главное! – вдруг снизошло на Артема озарение. – Он хочет и рыбку съесть, и куш захватить. И мою голову всучить сиккэнну, и вырвать из меня все тайны, какие, по его мнению, я могу знать. Он надеется, что сможет крупно поживиться или деньгами, или неким козырем, что позволит ему занять трон правителей Окинавы. Это как если бы в наши бандитские девяностые к крупному бизнесмену послали киллера, и тот, прежде чем выполнить оплаченный заказ, стал бы выпытывать у заказанного бизнесмена номера всех его банковских счетов. Значит, мне надо предложить этому пиратскому хмырю такую тайну, чтобы глазенки его поганые разгорелись от алчности и дух захватило бы. Я должен убедить его в том, что без меня до жирного куша ему вовек не добраться, и выторговать под это дело наши жизни».

– О чем призадумался, посол Ямато? Придумываешь, как бы обмануть меня?

– Я помогу тебе, отец, – встрял Аоки. – Доверь его мне, тогда он не соврет и не обманет.

– Это правда, – улыбнулся Хаси. – Аоки, мой добрый сын Аоки, умеет спрашивать. А как он сдирает кожу, Ямомото, если бы ты видел! Но я не отдам тебя ему, посол, если ты не станешь запираяться, а говорить будешь только правду.

– Я не собираюсь тебе врать, Хаси-сан, – заговорил Артем, ощущая во рту прямо-таки пустынную сухость.

Знаете ли, мало приятного в том, что тебя собираются пытаться.

– Что еще, дерьмо вам в глотки?! – вдруг рявкнул атаман, повернувшись к двери.

Там стоял, скребя пятерней в затылке, один из пиратов, у которого за поясом торчало аж две катаны, что для Артема, человека уже во многом японского, выглядело полной несуразностью и насмешкой над святым. Пират затараторил по-китайски, то и дело показывая рукой себе за спину. Когда он замолчал, Хаси что-то коротко сказал ему и взмахом руки отправил прочь.

– Тай-фу уже близок. Горизонт почернел, и ветер стал сильнее. – Хаси, поигрывая плечами и побряхывая, поднялся со своего своеобразного трона, сделанного из шкур. – Надо идти и пинками подогнать этих ленивых псов. А то, как всегда, недосмотрят, недоделают и завтра недосчитаешься кораблей и лодок.

Первый из обещанных пинков глава пиратского рода-племени отвесил Аоки.

– Эй, Аоки, обезьянья моча, чего сидишь! Ты уже должен бежать впереди! А ты, Кусанку, отведешь Ямомото к яме. Пусть посидит до утра. Проведет там ночку и утром станет самым разговорчивым из людей.

– Послушай, Хаси, – торопливо заговорил Артем. – Я из тех, кто принимает вещи такими, какие они есть. Вот поэтому всего за полгода я, чужак, стал даймё и послом императора. Вот увидишь, мы с тобой договоримся, Хаси-сан. Я знаю, что предложить тебе. Но моим людям ничего не должно угрожать, без них все бесполезно...

Хаси махнул рукой, показывая, чтобы Артем замолчал.

– Успеешь еще наговориться. Некогда сейчас. Твоих людей никто не тронет... пока. Кусанку зайдет к ним и скажет, что ты остался у меня в гостях. – Он хмыкнул. – Очень, мол, тебе понравилось тут, у меня в доме. Завтра после беседы с тобой я решу, что с ними делать.

О дорожной казне Артем и не собирался заикаться, понимая, что на ней уже можно поставить крест. Хотя обидно. Пропало все, что нажито непосильным

трудом.

Атаман неожиданно наклонился над столом и едва ли не задушевым тоном проговорил:

– Пойми, Ямомото, я не хочу тебе зла. Клянусь гневом Сусаноо, это так. Ты ж не яматонтю! И ты мне нравишься, клянусь посохом Наньдоу. За полгода возвыситься среди таких твердолобых ублюдков, как эти самураи, – такое достойно уважения. Это значит, что ты не полный ублюдок. Но поверь мне, Ямомото, я сам вот этими вот руками буду рвать твою шкуру на клочки, если ты разочаруешь меня, начнешь врать и запираяться. Подумай об этом наступающей ночью.

Глава пятая

Три имени и крест

Воняло, как... Ну как может вонять непроточная лужа диаметром более чем в два кэна[15 - Кэн – японская мера длины, 1,81 метра.], вся заросшая гниющей травой, куда постоянно задувает ветром листья, сухую траву и прочий мусор, куда, не исключено, выплескивают отходы, и в которую наверняка время от времени мочатся всякие ублюдки? Вот так и воняло, короче.

От рыболовной сети Артема освободили еще во дворе атаманского дома. Туземцы развели его руки в стороны, примотали их шнурами тройного плетения к бамбуковому шесту и так и вели распятым до самой ямы, находившейся в дальнем конце форта, почти у самого бамбукового частокола.

Даже если бы эти ублюдки отвязали его руки от палки, прежде чем столкнуть вниз, в зловонную жижу, от этого путь к свободе не стал бы легче. Поди вскарабкайся по осклизлым глинистым склонам, где ни кустика, ни корня и ничего другого, во что можно вцепиться пальцами, а карабкаться до верхнего края ямы кэна полтора, не меньше. Особенно безнадежным подобное предприятие выглядело по причине наличия часового. Неизвестно, чем там занимался большую часть времени пират, оставленный Кусанку на часах, сидел

ли на пеньке или ходил без усталости, но, увы, точно не дрых, потому как время от времени подходил к краю ямы и заглядывал в нее.

Лужа была весьма глубока, Артему чуть пониже груди, во всяком случае в том месте, где он находился. Как там в других местах, он не проверял, но сомнительно, что тут могли быть серьезные перепады глубин, чай не океанское дно. Ноги утопали в толстенном, омерзительно жирном на ощупь слое ила, хотя к накоплениям дерьма на дне этого водоема как-то совсем не подходило благородное слово «ил», и переставлять ноги с места на место было затруднительно. Правда, не ощущалось и большой необходимости их переставлять.

Настроение у Артема было под стать царящей в яме вонище. Препоганейшим было это самое настроение. Правда, ощущение безнадеги пока не наступило, потому что пиратский атаман все-таки его не прикончил, хотя по контракту был обязан это сделать еще среди пучины океанской. Это вселяло кое-какие надежды, пусть дохленькие, но все же. Во-первых, можно будет поторговаться. Во-вторых, можно попробовать сбежать, для начала из этой ямы.

На первый взгляд выбраться из ямы было решительно невозможно, но попытаться надо. Хоть какой-то шанс на успех имел место быть. Все-таки Артем – цирковой акробат. Кто скажет «бывший», тот пусть плюнет сам в себе в лицо. Мышечную память так просто не профукаешь, к тому же он за последние полгода форму особо не растерял... ну так, разве что самую малость. Думать над побегом следовало изо всех сил. Может, и придет в голову что-нибудь дельное, скажем, из опыта чужих побегов, киношных или книжных.

Правую ногу узника в районе щиколотки пронзила боль, словно туда с размаху всадили раскаленную иглу. Зашипев не хуже иной змеи, Артем привалился плечом к стенке ямы и выдрал ступню из вонючей жижи. Сандалия-гэта осталась в иле. Разыскать ее на ощупь было бы непросто, не говоря про то, чтобы снова вдеть в нее ногу. Ну и хрен с ней! Под угрозой потерять голову вместе со всеми волосами по гэта не плачут. Он потряс ногой, сбрасывая повисшие на ней водоросли, и подтянул ступню к себе поближе. Вот, кстати, и сгодились акробатические навыки!

Между таби[16 - Таби – что-то вроде шерстяных носков, которые надевались под гэта.] и краем штанов-хакама проступал светлая полоса кожи. Вот там и торчала пиявка, жадно присосавшаяся к ноге и похожая на гадюку, недавно

вылупившуюся из яйца, каких хватало в лесах под Ицудо.

Артем выругался себе под нос, сплетая самые гнусные слова из двух языков. Отчего-то у него не было ни малейших сомнений в том, что этой кровососущей пакости тут полным-полно. Мечта Дуремара, блин!.. Проявив недюжинные или, наоборот, вполне нормальные для акробата гибкость и ловкость, Артем несколько раз стукнул ногой о выступ глинистой стенки и сшиб пиявку. М-да, даже если твари не прокусывают одежду, то вряд ли они откажут себе в других маленьких радостях. Они способны находить неприкрытые участки кожи, проникать в прорехи, забираться под одежду. Стало быть, предаваться такому увлекательному занятию, как сбивание пиявок, можно всю ночь напролет. Ясен пень, силы при этом иссякнут быстрее быстрого. Встает вопрос: а нужно ли беречь эти силы? Для чего их беречь?

А над головой пленника всю свирепствовал ветер. Уже когда они шли к яме, он лупил навстречу, стремясь содрать одежду и заставляя жмуриться и пригибаться. Видимо, и вправду ночью на здешние берега обрушится полноценный тайфун. Уж больно отчаянно ветерок-то задувает, все набирая и набирая обороты.

Небо уже плотно заволочло тучами всех оттенков черноты, при взгляде на которые Артему как-то сразу стало ясно, что ничего хорошего от этой ночи ждать не приходится. Над головой завывало на все лады, стоял треск, в яму заносило листья, сломанные ветки, какую-то труху. Это притом, что частокол, расположенный поблизости, худо-бедно гасил ветер. От такого ветра могла приключиться только одна польза – если он завалит одно из соседних деревьев и его верхушка опустится прямо в яму. Тогда по нему можно будет забраться вверх, разумеется, только в том случае, если это дерево одновременно придавит и часового.

Гром прогремел как-то глуховато, словно сквозь вату, забившую небеса, а вот молния сверкнула вполне себе полноценно, эдакой гигантской фотовспышкой, словно бог ветра Сусаноо рубанул по небосводу катаной, сверкающей как тысяча огней. О боже! Артем вскрикнул, отшатнулся к стенке, поскользнулся и съехал по ней в жижу, поднимая брызги. На миг от пяток до макушки его прошел доподлинный суеверный ужас, сжал ледяными клещами живот и ледяной же волной прокатился вдоль позвоночника.

На другом конце этой зловонной ямы в свете молнии явственно обозначился силуэт живого существа. Артем поспешно выпрямился, мотая головой. Кажется, его вновь цапнула за ногу какая-то тварь, но он не обратил на это внимания.

Тут наконец заработал мозг, анализируя увиденное. К тому же небеса осветила вспышка, пусть и не столь яркая, как предыдущая, но и ее вполне хватило, чтобы рассмотреть, что к чему. Существо в яме было, оно не привиделось Артему. Это была вовсе не какая-нибудь коряга, это было не нечто сверхъестественное, а вполне себе человеческое существо. Более того, Артем разглядел бамбуковую палку и привязанные к ней руки, разбросанные крестом.

Ясно. Собрат по несчастью, тоже узник зловонной ямы. А что тут удивительного? Пираты – народ бедный. Не нашлось у них отдельной ямы даже для столь благородного пленника, как посол Ямато.

Очередная вспышка молнии позволила Артему рассмотреть, что его сокамерник, или сояменник, в отличие от него самого гол по крайней мере по пояс, по поводу чего ему стоило лишь посочувствовать. Ну разве что кровь у него намешана из жидкостей, несъедобных для пиявок.

– Эй, на палубе! – достаточно громко, чтобы перекрыть завывания ветра, позвал Артем. – Кто будешь, товарищ по несчастью?

Ответа не последовало.

– Эй, приятель, ты живой?

Артему пришло в голову, что в происходящем есть некоторая странность. Заклучалась она в том, что его сокамерник как молчал, так и продолжал молчать, хотя был живым. Живой, точно. Во-первых, иначе он не стоял бы так прямо, а во-вторых, при очередной вспышке Артем разглядел, как тот пошевелился.

Артем произвел и еще одно ценное наблюдение. Он заметил, что его сокамерник довольно высок по местным меркам. Если, конечно, в той стороне глубина лужи была такая же, как и там, где стоял Артем.

– Не очень-то ты разговорчивый, я погляжу. Видимо, еще не насиделся как следует. Может, ты по-японски не говоришь?

А с каких щей он, собственно, должен был говорить по-японски, если подумать? Что мешало этому человеку быть китайцем, корейцем или жителем одной из тех стран, названия которых ни о чем Артему не говорили?

Тем не менее наш герой сделал еще одну попытку завязать общение:

– Меня зовут Ямомото, не слышал? Я послан императором во главе посольства. Далеко послан... Впрочем, не исключено, что уже приехал.

Но его товарищ по вонючей яме продолжал все так же загадочно молчать. Он пока так и не сказал ни слова даже на каком-нибудь таинственном наречии, не издал ни звука, не погугукал там или не присвистнул восторженно или удивленно, молчал как каменный.

«Может, ему язык отрезали? – подумал Артем. – Собственно, что же в этом такого странного-то?! На дворе беспробудно дикие века, вокруг пиратское логово, запросто могли и оттяпать язык под корень. Да еще заодно с ушами. А я его тереблю, раздражаю».

Артем, осторожно ступая, двинулся в сторону сокамерника. Осторожность стала совсем нелишней после того, как ил засосал и вторую сандалию-гэта. Теперь он передвигался по дну в одних лишь таби, которые никак не могли защитить ступню от какой-нибудь острой херни. А ведь в его положении для полного счастья не хватало еще и пропороть ногу, не правда ли?

Артем решил, что ему стоит рассмотреть этого человека поближе – на всякий случай и за неимением иных занятий. Вдруг как-то получится установить контакт? Допустим, жестами, скупыми по причине связанных рук, или выразительной мимикой. Вдвоем проще что-либо сочинить. Скажем, если взобраться на плечи... Нет, пожалуй, с руками, приотанными к палкам, им все равно не удастся выбраться наверх. Но веревки можно попробовать распутать зубами, перегрызть. Словом, ежели двое действуют сообща, то это уже какая-никакая сила.

– Когда-то давно, в прошлой жизни, я был цирковым акробатом, – заговорил Артем, переступая ногами по дну.

Раз у него объявился собеседник, пусть и такой, то чего же молчать, торча в вонючей жиже и слушая свист все усиливающегося ветра? Так и присутствия духа можно лишиться раньше срока, намеченного богами.

– Летал я по воздуху и крутил там всякие сальто-мортале. Поэтому сам понимаешь, что именно человек воздуха и высоты, то есть я, должен чувствовать, торча в этой луже. Но ведь я же еще и даймё, и посол, и богатый уважаемый человек. Это, понятно, еще более усугубляет мое сидение в дерьме. От этого я еще более удручаюсь. Какие-то два месяца назад меня принимал в Дайдари император, а теперь швырнули сюда, как какую-то собаку...

То ли Артем краем глаза углядел движение наверху, то ли пресловутое шестое чувство ему подсказало, однако факт – что-то заставило его задрать голову. Ну, так и есть! Над его головой на фоне несущихся туч и прочерчивающих их зигзагов молний выделялся силуэт часового, сидящего на корточках и плящего вниз.

Вертухай никак не отреагировал на перемещение по яме одного из пленников, однако Артем решил не раздражать его понапрасну и пока постоять на месте. Трудно сказать, что тот способен сделать, ежели захочет пресечь прогулки пленника. Он может ткнуть нарушителя острой бамбуковой палкой, помочиться ему на голову или просто станет торчать над головой, никуда не отходя. Впрочем, достаточно и последнего. Пусть этот поганец уберется, тогда можно будет и доковылять до сокамерника.

Артем замолчал, но вдруг подумал: а не попробовать ли ему разговорить вертухая? Зачем? Ну мало ли, вдруг да удастся что-нибудь полезное вытянуть или на что-нибудь подбить, задурить голову, застрашать Белым Драконом. Вдруг он слышал о Белом Драконе? Тогда можно попробовать убедить этого пирата, что лучше служить Дракону, чем тем, кто действует против него. Заткнуться никогда не поздно.

– Эй, наверху! – позвал Артем. – Ты по-японски говоришь?

Ответом было молчание.

– А по-китайски? – зачем-то спросил Артем, разумеется по-японски.

Опять никто ничего не ответил.

– Ну что за дрянь! – напрягая горло, громко заговорил Артем. – Мало того, что сидишь в яме как последняя жаба, так еще и говорить с тобой отказываются. С послем императора, с Белым Драконом – и не говорят! Слышь ты, наверху, член дохлой собаки и обезьянья задница, хочешь, я тебе скажу, где под Шанхаем клад закопан? Вы же, пираты, сами не свои от этих кладов. Поделили бы честно, пополам, а? Нет, правда, есть клад, с места не сойти... М-да, не очень удачная клятва. Амаэрасу клянусь, Сусаноо клянусь, мамой родной и здоровьем тэнно Сидзё клянусь – есть клад, есть. Вот ты слышал о Шанхае? Молчишь. А ты, мой бедный друг, тоже не слышал? Никто, я смотрю, тут у вас ничего не слышал.

На самом деле насчет шанхайского клада Артем не врал. Во всяком случае детектор лжи, от которого здешних обитателей отделяло несколько сотен лет, вранья не зафиксировал бы, потому как Артем был убежден в том, что в Шанхае может что-то быть. Вернее, не в Шанхае, а на той территории, на которой в далеком будущем раскинется этот огромный город. Сейчас, судя по всему, поселения с таким названием все-таки не существует. Все японцы и китайцы, которых он расспрашивал, ни о каком Шанхае и слыхом не слыхивали, даже китайские моряки, которым вроде бы положено знать наперечет все прибрежные поселения своей страны.

Но это не значило, что на месте будущего Шанхая сейчас ничего нет. Там вполне может находиться какая-нибудь задрипанная рыбацкая деревушка с иным названием или вовсе такового не имеющая по причине своей полной задрипанности.

– Похоже, накрылся мой план крупным медным тазом, – произнес Артем по-японски, но тихо, исключительно для себя, потому что только он сам себя и мог сейчас понять.

У него был план, суть коего сводилась к следующему. По пути в далекую Русь сделать крюк, весьма небольшой, кстати, добраться до места, где впоследствии раскинется и зашумит мегалополис, старательно излазить там все, скрупулезнейше осмотреть все мало-мальски примечательное, а дальше... дальше действовать по обстоятельствам. Все это Артем хотел проделать ради

того, чтобы найти... ну, скажем так, нечто. Ведь именно из Шанхая он прибыл, точнее сказать, провалился в древнее Ямато.

Давайте рассуждать логически. Если есть вход, значит, может быть и выход. Ну а где искать выход, как не на месте входа?

Артем не знал, как он поступит, если вдруг обнаружит, что существует обратный путь. Люк там какой-нибудь, упрятанный среди бурьяна, камень, украшенный пентаграммой, к которому нужно приложить ладонь, звездные врата, древнее капище или даже монастырь Хранителей Входа, которые не первое тысячелетие поджидают Входящего. Словом, это могло быть что угодно, равно как могло и ничего не быть. Наверное, последний вариант был самым вероятным, однако этого никак не узнаешь, не побывав на месте.

Артем знал, что он все решит в последний момент. Выбор придет напрямую из сердца. Правда, иногда ему казалось, что где-то в глубине души он уже сделал этот самый выбор, осталось только извлечь его на поверхность. Но для него важно было именно иметь выбор, а для начала неплохо было бы просто установить, есть ли он вообще в природе.

Можно было бы, конечно, попытаться задурить пиратскому папаше Хаси голову как раз насчет клада, зарытого на месте будущего Шанхая. Вдруг клюнет? Хотя на откровенную лабуду он не купится, на идиота никак не похож. Для него потребуется сочинить что-то весьма убедительное. Ну что ж, целая ночь впереди, хоть всю кладу на сочинительство. А это еще что? Артем задрал голову... и расхохотался.

– Нет, ну это просто весело! – произнес он на чистом русском. – В точности как в каком-то фильме, где мужики на кладбище откапывали труп. Один другому говорит, что нет ничего хуже, чем ковыряться холодной ночью в раскопанной могиле. Другой возражает, мол, бывает и хуже, скажем, если еще и дождь пойдет. Разумеется, тут же вдарил ливень. Прямо как у нас с вами, мои молчаливые друзья.

У них, правда, до ливня еще не дошло, но дождь уже начался, забил по земле крупными сильными каплями. Вообще-то, если поглядеть на происходящее со стороны, то можно было бы понять предельную абсурдность ситуации. Сидя по грудь в вонючей жиже, бывший российский акробат под вой ветра рассказывает

что-то на японском языке каким-то мутным людям, и неизвестно, понимают ли они его хоть немножко. А дальше произошло то, что Артем осознал далеко не сразу. Сверху обрушилось что-то большое и темное, грузно шлепнулось в жижу рядом с Артемом, обдав его фонтаном зловонных брызг. Артем инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, увидел, что прямо перед ним плавает тело, из спины которого торчит рукоять кинжала. Вокруг тела вздуваются крупные дождевые пузыри, по спине и по кинжалу хлещут струи уже вполне себе неслабо раскочегарившегося дождя, а плавающее тело не подает никаких признаков жизни.

«Часовой!.. – узнал Артем. – Никаких сомнений. Именно на нем была надета эта куртка странного покроя с широкими рукавами, драная на плечах».

Гимнаст посмотрел вверх – никого. Но загадки разгадывать ему было некогда, равно как и офигевать слишком долго. Появился шанс, и Артему следовало вгрызаться в него, как собаке в кость.

Он бросился к телу, толкая животом труп часового, отбуксировал его к стенке ямы, чтобы был упор и тело не бултыхалось. Извернувшись, Артем обхватил ладонью рукоять кинжала, вытянул его из тела наполовину и наклонил таким образом, чтобы гарда служила кинжалу упором. Подходяще. Он дотронулся пальцем до лезвия, тут же отдернул его, но поздно – порезался. Конечно, это было скверно, особенно с учетом той грязи, в которой Артем сидел. Однако бритвенная заточка стали не могла не радовать. Теперь никаких проблем быть не должно. Он подвел к лезвию веревочные путы, в ударном темпе задвигал рукой... Какое там рукой! Ему приходилось двигаться всем туловищем.

Есть! Как он и предполагал, лезвие справилось с веревками на раз. Освободив одну руку, пленник за считанные секунды распутал и вторую. Он в темпе помассировал запястья и предплечья, разгоняя кровообращение. Нормально, сойдет. Теперь надо осмотреть труп часового, забрать оружие – Артем помнил, что у того торчал за поясом китайский меч с круглой гардой, – и как-то выбираться наверх.

Артем несколько раз поднимал голову и оглядывал верх ямы, но по-прежнему никого и ничего не видел. Загадка продолжала оставаться до предела загадочной. На часовом не оказалось никакого оружия. Или его отобрали, или, что вероятнее, часовой успел выдернуть меч и вместе с ним свалился в яму, где выпустил оружие из ослабевшей руки. Очень долго можно искать его, шарить в

иле, окунаясь с головой в вонючую жижу, рискуя наступить на лезвие и основательно рассадить ногу. Так стоит ли? Или все же попытаться на шарить?

Артем зажал в руке кинжал и замер в задумчивости. Он слышал, как бешено колотится его сердце.

Ага, очухались, гражданин?! Из полутьмы, озаряемой вспышками молнии, на Артема надвигался силуэт с разведенными в стороны руками, разгоняя перед собой волну не хуже броненосца «Потемкин». Сокамерник остановился перед Артемом и впился в него взглядом. Наконец-то наш гимнаст мог разглядеть, кого уготовила ему судьба в товарищи по зловонной яме. Экземпляр оказался прелюбопытный. Артему с ходу пришел на ум некий собирательный образ индейца из вестернов. Человек этот был широкоплечий, предельно жилистый, волосы длинные, прямые и вроде бы черные, хотя в этом сумраке можно и ошибиться. Артем заметил азиатский разрез глаз, но они не были такими узкими, как у японцев или китайцев, продолговатое лицо с резко очерченными скулами, орлиный нос. Кстати, неразговорчивостью этот гражданин напоминал все тех же индейцев.

Сей товарищ остановился по ту сторону трупa, колыхающегося на поверхности зловонной жижи, продолжая сверлить Артема взглядом. Ясно, что ему тоже захотелось на свободу... впрочем, как и любому на его месте.

Однако Артем колебался.

Случись такая история полгода назад, когда Артем только-только перебрался из мира прав человека в общество самураев, он не задумываясь стал бы помогать незнакомцу. Сейчас же... хм... Гуманизм гуманизмом, но вот кто его знает, что он начнет вытворять, едва его руки окажутся развязанными. Например, поднимет шум раньше времени, и это, пожалуй, еще самое безобидное, что данный тип способен выкинуть. А вдруг он ненавидит жителей Ямато больше, чем пиратов, швырнувших его в яму?

«Стоп, стоп! – вдруг осенило Артема. – А вдруг это вообще подсадка, чтобы в случае чего поднять тревогу?»

В этот момент что-то вдруг шлепнуло Артема по плечу, заставив инстинктивно дернуться в сторону и присесть, чуть ли не по горло окунуться в омерзительную

жигу.

Веревка, кажется... Ну да, это веревка легла толстым белесым червем поверх часового, плавающего в жутком месиве.

Артем вскинул голову и пригляделся, не забывая краем глаза пасти сокамерника. Он ведь не знал, чего от него ожидать. Ага, ну вот и объявился загадочный незнакомец. Этого и следовало ожидать после появления веревки. Потому, видать, он и не показывался раньше – привязывал веревку к дереву или обматывал ее вокруг камня. Только нельзя было разобрать, кто же это. Артем видел лишь темное расплывчатое пятно.

– Эй, посол?! Слышишь меня?! – донеслось до него сквозь шум бушующей стихии.

Странный какой-то голос. Хотя какой голос не будет странным в эдакой-то круговерти?

– Слышу! – заорал в ответ Артем, ловя ртом дождевые струи.

– Сможешь выбраться?

Это был не свой, своего он уже узнал бы, несмотря на все помехи. Тогда кто же ему помогает? Быть может, какой-нибудь японский шпион, внедренный в пиратскую шайку, решил спасти императорского посла? Или в ронине из Ямато, примкнувшем к пиратскому движению, вдруг проснулась самурайская совесть? Поди тут угадай.

– Лезу уже!

Очередной раз бабахнула фотовспышка молнии.

Артем решил, что сходит с ума и у него уже начались видения. На фоне черного неба и ослепительно-сиреневых зигзагов, прочертивших его, отчетливо высветилось морщинистое старушечье лицо, обрамленное седыми волосами, в этом нереальном свете показавшимися Артему серебряными. «Господи боже, – подумал акробат, утирая рукавом с лица дождевую воду. – Уж не сама ли смерть

пришла за мной? Или эту женщину подкупил кто-то из наших? Он щедро отсыпал ей из дорожной казны, и ради денег бабушка пошла на смертоубийство?»

Но размышлять над всей этой фантазмагорией было некогда. Артем сжал кинжал зубами, ухватился за веревку и оглянулся на недавнего сокамерника. Тот по-прежнему стоял и молчал. Странный тип... Ну, пока!

Перебирая руками по веревке, Артем выдрал себя из жижи и попытался упереться ногами в борт ямы. Сделать это он не смог, ноги отчаянно скользили по мокрой глине. Пленнику пришлось отталкиваться от стены ямы и подтягиваться по веревке на руках.

Так твою разэтак! Артем соскользнул по веревке вниз и бултыхнулся в зловонную лужу. Ну не мог он так! Взять и просто бросить человека!

Вот именно то, что этот индеец хренов ни о чем не попросил, и решило дело. Подсадной так бы себя не вел. Тот бы, наоборот, стал умолять если не словами, то жалостливыми гримасами, просить разрезать веревки и взять его с собой. Ну а вдруг сей гражданин умом тронутый, буйный? А если он ненавистник всего японского, в том числе послов Ямато? Что ж, кинжал ему Артем уступать не собирался, а во всем остальном... придется рискнуть. Да, наверное, господин посол так и не изжил в себе до конца проклятый гуманизм. Несколькими взмахами кинжала Артем перерезал на пленнике веревки и, не дожидаясь, пока тот распутается, полез наверх. Поскольку веревка была закреплена как надо, забраться по ней воздушному гимнасту великого труда не составило.

Перевалившись за край ямы и оказавшись на твердой земле, он испытал облегчение. Да-да, все понятно, радоваться пока было нечему, но все-таки теперь и от него уже что-то зависело. Ежели до того ему была одна дорога, то теперь появилось пусть не сто, но хотя бы несколько.

Он вынул кинжал изо рта, вонзил его в землю, быстро стянул с себя намокшую, отяжелевшую, провонявшую запахами поганой ямы куртку-косодэ и отбросил ее в сторону. Дело было, конечно, не в запахах, те же штаны-хакама и кимоно провоняли точно так же, а в том, что косодэ будет только сковывать движения, висеть на плечах панцирной тяжестью.

Избавившись от куртки, Артем тут же проворно запустил руку под кимоно и издал сладострастный вздох облегчения, отодрав от живота пиявку, присосавшуюся там.

Теперь можно было и пообщаться со спасительницей, в которой, как подтвердилось при ближайшем рассмотрении, не было ровным счетом ничего демонического. Обычная женщина. Да, весьма почтенного возраста, невысокая, с лицом совсем не азиатским...

На этом лице вдруг проступила гримаса ужаса, взгляд был направлен Артему за спину. Артем обернулся и увидел руки и голову сокамерника, выбиравшегося из ямы.

– Куда?! – закричала женщина, метнулась вбок, упала на колени, обеими руками схватила веревку, тянущуюся к яме от ближайшего дерева, приподняла ее, насколько смогла. – Режь!

Артема поразила ее стремительность и горячность. Неспроста все это. Медлить не стоило.

Артем метнулся к яме, на край которой уже лег грудью этот самый индеец, и приставил лезвие к горлу давешнего сокамерника.

– Не дергайся, коли хочешь жить. Эй, женщина, подойди сюда!

Ничего, повисит на руках до конца разбирательства. Мужик сильный, выдюжит, а ежели отпустит веревку, то бултыхнется вниз, в столь знакомую ему жижу. Если он отпустит всего одну руку, то Артем не задумываясь полоснет его по горлу. Не до гуманизма тут. Не тот случай, чтобы гадать, схватит он тебя освободившейся рукой или нет.

– Убий его, рус, убий! Зрю его недобро! Зла он творил вельми много!

Час от часу не легче, сюрприз на сюрпризе! Впору взвыть в такт завываниям бури! У Артема от нового потрясения чуть не дрогнула рука с кинжалом, и он чуть было не располосовал горло недавнего товарища по несчастью.

Было от чего потрястись! Эта старушка выдала последнюю тираду не по-японски, а по-русски, хотя русский был какой-то... не совсем русский.

«Наверное, древнерусский, – подумал Артем. – Это что ж, мы с мамашей, выходит, земляки?»

Но выяснение этого факта он немного отложил.

– Почему я должен его зарезать? – спросил Артем в первую голову. – Ты знаешь, женщина, кто он такой?

Спрашивал он все же по-японски, поскольку древним вариантом русского не владел, а мадам, как она уже показала, по-японски болтала преотлично.

– Зверь он. Режь его, – сказала та опять-таки по-русски, потом перешла на японский: – Он – айн. И не просто айн, а ватари-эдзо. Ты из Ямато, ты должен знать, что это значит.

– Вот оно что!.. – протянул изумленный Артем.

Он впервые видел живого айна. Мертвых ему, впрочем, тоже видеть не доводилось. Зато наслышан о них Артем был предостаточно. Он даже чуть не ли дословно запомнил цитату из какой-то очень древней хроники: «По природе айны храбры и свирепы и очень хорошо стреляют, постоянно держат свои стрелы в волосах, бегают так быстро, как бы летают, умеют напускать осеннюю мглу и творить осенние туманы»[17 - Летопись «Нихонсёки», 720 г.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сиккэн – титул фактических правителей-регентов в Японии в период с 1199 по 1333 г, в период Камакура. Слово «сиккэн» означает «держатель власти», или «правитель».

2

Яма-буси – «спящие в горах», или, в другом значении этих иероглифов, «горные воины». Они защищали крестьянские общины от отрядов самураев, но служили и наемниками. Система их боевой подготовки быстро совершенствовалась, кланы яма-буси превратились в школы ниндзюцу.

3

Ри – японская мера длины, 3,9 м.

4

Вако – пираты.

5

Тэнно – официальный титул японских императоров.

6

Наньдоу – бог долголетия из китайского пантеона.

7

Окинавцы называли свою родину Утина, а себя – утинантю, в отличие от Ямато (остальная Япония) и яматонтю (жители остальной Японии).

8

Хибати – глиняная корчага, куда закладывается древесный уголь.

9

Эпоха Момму – 697—707 гг.

10

Слово «Окинава» в переводе означает «веревка, извивающаяся в море».

11

Сакаяки – самурайская прическа, которую отличает выбритый наголо лоб.

12

Какэмоно – традиционный японский живописный или поэтический свиток, один из элементов средневекового архитектурного стиля сёин-дзукури.

13

Японская императорская династия ведет свой род от богини солнца Аматэрасу.

14

Тай-фу – несколько искаженное китайское «тай фын», то есть большой ветер.

15

Кэн – японская мера длины, 1,81 метра.

16

Таби – что-то вроде шерстяных носков, которые надевались под гэта.

Летопись «Нихонсёки», 720 г.

Купить: https://tellnovel.com/logachev_aleksandr/razbuzhennye-bogi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)